

БОЙНЯ
ЗА РЕСУРС

КОГДА БОЛЬ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ,
МИР СХОДИТ С УМА

ИВАН АФАНАСЬЕВ

18+

Иван Афанасьев

Бойня за ресурс

<https://litres.ru/74436124>

SelfPub; 2026

Аннотация

2048 год. Денис Савин, его жена Дарья и шестнадцатилетний сын Влад получают статус банкротов и попадают в систему обязательной государственной отработки. Из-за программного сбоя во время распределения семья оказывается разделена между аномальными территориями, существующими по собственным законам реальности.

Каждый мир рожден сильнейшей психологической болью и расширяется за счет похожих внутренних травм. Здесь постепенно стирается сама личность. Пытаясь выжить и найти друг друга, Савины начинают понимать истинную природу аномалий, которые ведут непрерывную войну за главный ресурс — человеческое сознание. Цена победы измеряется количеством утраченных личностей. Если бойня не закончится, то прежний мир перестанет существовать.

Содержание

Важно	4
Банкроты	5
Уведомление	11
Обреченные	20
Толпа	26
Досмотр	35
Распределение	43
Автобус	50
Добровольцы	57
Тропы	63
Ошибка	70
Влад	78
Инструктаж	90
Наблюдение	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Иван Афанасьев

Бойня за ресурс

Важно

У книги нет аудиоверсии. Все описанные в книге люди, государства, события и обстоятельства являются вымышленными. У героинь и героев романа нет и никогда не было конкретных прототипов в реальном мире. Любые утверждения об обратном не имеют под собой никаких оснований.

Если читатель найдет какое-либо сходство с реальностью — это будет исключительным плодом его фантазии.

Высказывания, любые слова, сны, действия, мнения героев и героинь романа никоим образом не выражают позицию автора.

Банкроты

«Гражданину Савину Д. И.

Уважаемый Денис Игоревич! Уведомляем, что индекс вашей социальной и финансовой состоятельности упал ниже критической отметки в 14,2 пункта и составляет 12,8 пункта, имея потенциал к дальнейшему снижению. На основании Федерального закона Федеративных Регионов № 219-45-15 от 15 мая 2044 года вы и члены вашей семьи признаны банкротами, в связи с чем вам присвоен соответствующий финансовый и социальный статус.

В течение 24 часов с момента ознакомления с данным уведомлением вам необходимо явиться в пункт сбора № 47 по адресу: улица Большая Римская, дом 17, для отбытия в место проведения процедуры социальной отработки, определенное для вашей семьи членами специальной комиссии по банкротству физических лиц, в том числе физических лиц, находящихся на пятом уровне рейтинга неблагонадежности.

С собой разрешается иметь личные вещи, но не более одной сумки (рюкзака или чемодана) на человека. Параметры багажа не должны превышать 50 на 40 на 20 новых сантиметров. Все электронные устройства подлежат сдаче в пункте сбора для дальнейшего ответственного хранения.

Согласно статье 223-56 Уголовного кодекса Федеративных Регионов, неявка в пункт сбора до 15 часов 56 минут 34

секунд 29 июля 2048 года, а также разглашение информации о вашем статусе и полученном уведомлении могут повлечь за собой наказание в виде лишения свободы на срок от 20 до 25 лет для вас и каждого из членов вашей семьи.

С уважением, «Заботушка» — виртуальный ассистент отдела по работе с банкротами района №7 департамента по вопросам назначения социальной отработки Министерства социальных вопросов по городу Глазову-Краевому и прилегающим территориям».

— Гниды! — процедил сквозь зубы Денис, который начал вникать в текст извещения, только перечитав его второй раз. — Мрази... Это же беспредел!

Сейчас перед ним во всем своем бюрократическом уродстве предстало их будущее, прочно затянутое финансовой удавкой. Это был индивидуальный, семейный апокалипсис, который хоть и предвиделся, но все равно ворвался слишком неожиданно.

— Черти... Как же так?

Смартфон мелко подрагивал в потной руке. Дрожь не подавалась контролю и существовала сама по себе. Мужчина завис, но, не дождавшись «обновления системы» в виде ложной надежды, достал из пакета банку пива. Трясущаяся рука не позволила открыть ее с первой попытки. Пришлось дойти до ближайшей свободной скамейки и сделать новый подход к «снаряду». Пена через маленькое отверстие рванула на свободу, радостно зашипев.

— Хрень какая-то, — Денис еще раз достал мобильник и пробежался по тексту сообщения, составленного на таком уродливом языке, в котором не осталось ничего человеческого, — на этом малопонятном языке пассивной бюрократической агрессии.

Убедившись, что правильно уяснил смысл текста, он вспомнил про пиво и почти одним залпом опустошил банку. Легче не стало.

До получения фатального уведомления казалось, что этот день уже не может стать гаже. А день взял и смог.

Два часа назад Денис официально присоединился к толпе безработных, которая билась за пригоршню выброшенных на рынок вакансий. Его работодатель затеял тотальную оптимизацию, уволив, помимо системного администратора, всех остальных сотрудников. Прощание вышло немногословным и прохладным: долг за полтора месяца обещали выплатить, но про компенсации попросили забыть.

Он бы еще минут пять стоял с пустой банкой в руке, но вдруг увидел этот странный взгляд. На него уставился человек в черной униформе, который расположился в «засаде» через несколько скамеек. Мужик не просто сидел и пялился, а будто намеревался подойти и предложить проследовать с ним в неизвестном направлении.

Пришлось выбросить банку в урну, взять пакет и поспешить дальше. Дорога домой пролежала по заставленным старыми автомобилями улочкам, которые соединяли между со-

бой многочисленные высотки их жилого комплекса класса «ультра-эконом». На площадках орали дети, у подъездов матерились подростки. На некоторых скамейках что-то громко отмечали местные жители и гости ЖК.

— Добрый вечер! — от мыслей его отвлекла какая-то маленькая, невзрачная женщина. Ее собачка, похожая на крысу, страдающую анорексией, дрожа, пыталась выдавить из себя что-то прямо на тротуар.

— Добрый вечер, — пакет в его руке предательски звякнул: это бутылка шампанского ударилась о бутылку коньяка, а может, наоборот.

«Кто это?» — не останавливаясь, Денис прошел несколько метров, но потом оглянулся, чтобы дать своей памяти еще один шанс. Затылок «знакомой незнакомки» ничего нового ему о даме не рассказал. Зато недалеко от собачницы показалась фигура того самого мутного мужика в черной униформе, который моментально остановился и снова начал плясать.

— Бл... — банкрот сразу осекся, вспомнив, что обещал семье не материться, отвернулся и припустил еще быстрее.

Почти каждый шаг сопровождался радостным звоном бутылок, вырывающимся из пакета. Шампанское предназначалось для жены. Конечно, сомнительное средство от шока, но ничего другого придумать не удалось.

Чтобы шокировать Дашу, хватило бы и одного увольнения. А теперь к первой беде бонусом присобачилось кон-

кретное в своем приговоре слово «банкроты». Это даже не крест на их будущем, а что-то более бытовое по своей символике, не поддающееся заезженным фразам и литературным штампам.

Денис опять бросил осторожный взгляд назад. Тип в униформе сильно отстал, но все так же следовал за ним. «Наверное, показалось», — успокаивал он себя.

Сдуру почему-то вспомнилось, что примерно год назад им с Дашей не дали развестись. Прожорливый банк потребовал выплаты долгов, тем самым указав бедным на их место. По сути, у неплатежеспособных забрали многое из того, чего раньше не забирали: отняли даже возможность разбежаться по закону. Теперь же у них действительно конфисковали саму жизнь, но оставляли существование ради своевременного обслуживания обязательств.

Безработный остановился у двери своего подъезда, которую опять вырвали с «мясом». Человек в черном в это время успел повернуть за угол. Провожая взглядом несостоявшегося преследователя, состоявшийся банкрот нырнул в темень подъезда, а потом вскрикнул: «Извините!», случайно наткнувшись на выбегающего оттуда мужчину, которого даже не успел разглядеть.

— Ничего страшного, — бросил тот, когда закрывшаяся дверь их уже разделила.

Выбежавший человек был коренастым, лысым, очень низким и уже никуда не спешил, потому что остался стоять на

ступеньках. Он бегло просканировал местность, достал из нагрудного кармана черной униформы телефон, набрал номер и произнес:

— Объект подтвержден. Сейчас находится по основному месту жительства. Приступаем.

Уведомление

Денис слишком глубоко погрузился в хаос собственных мыслей и не придал никакого значения небольшому столкновению на входе в подъезд. Маленький изрисованный лифт поднял его на пятый этаж, где он специальным стуком в дверь квартиры дал понять, что это — «свой».

В дверном проеме сначала появилось уставшее лицо жены, а потом и ее худенькая фигура. Даша три с половиной месяца не могла найти работу, отчего постепенно погружалась на дно тихой, связывающей волю депрессии.

В их студии площадью четырнадцать новых квадратных метров у коридора не оставалось шанса поместиться хотя бы где-то, поэтому супруга отошла к кухонному уголку. Муж начал неуклюже снимать кроссовки, звякнув несколько раз бутылками.

— Что отмечаем? — безразлично поинтересовалась она.
— Вторник?

— Слушай... — замялся Денис, совершенно не понимая, с чего начать. — Тут такое дело... Давай лучше присядем на кухне, и я все расскажу... Только ты не переживай.

— Ты что-то весь аж серый, — Даша без слов почувствовала беду, как ее умеют распознать лишь обреченные на безвыходное положение. — Не вздумай говорить, что тебя уволили.

— И это тоже, — супруг вытащил из серого пакета игристое и коньяк. — Будешь шампусик?

— Ты серьезно? — она не обратила никакого внимания на его предложение.

— Такими вещами не шутят, — муж достал себе рюмку и поставил ее на маленький круглый столик, за которым они обедали, чаще всего — по очереди. Затем открыл бутылку коньяка и плеснул себе до краев. Махнул. Налил вторую.

Даша медленно опустилась на стул, потому что едва стояла. Лицо женщины непривычно подернулось. Супругу даже померещилось, что перед ним сидит совсем чужой человек. На этом лице сгустилось так много грусти, которая буквально перекроила привычные черты: небольшие, но пронзительные карие глаза, курносый нос, слегка лопухие уши, которые, впрочем, ей шли, поэтому всячески подчеркивались прической. Знакомое выражение сильно исказилось.

— Компания сегодня уволила многих сотрудников, ее ликвидируют. Долг обещали выплатить.

— Охренеть... У нас в городе можно целый год работу искать и не найти. А как же ипотека, кредиты?

— Это больше не наша проблема, — Денис взглянул на нее слегка потеплевшим от коньяка взглядом. — Может, все-таки шампанского?

— Ты издеваешься? — женщина вскочила. — Конечно, давай на радостях напьемся! Раз мы уже в жопе, то почему бы не нажраться!

— Ты бы лучше выпила, потому что есть еще новость, — он опрокинул вторую рюмку и снова уперся в жену взглядом, который не обещал ничего хорошего. — Так тебе накапать?

— Да отвали ты со своей выпивкой! Не хочу.

— Тогда присядь.

Даша недолго поколебалась, а потом послушалась.

— Ты хочешь сегодня меня окончательно добить? Да?

— Как бы помягче начать... Мы действительно в полной жопе...

Робкое признание прервал звонок в дверь. Муж вскочил, потом вновь сел на место, несколько секунд побарабанил короткими пальцами по столу и все-таки пошел открывать. Благо идти было недалеко.

На пороге стояли трое. Один — тот самый странный мужик, который его преследовал. Второй — кряжистый лысый коротышка. Третья — женщина с собачкой на руках, которая поздоровалась с ним на улице. Троица тараном прошибла дорогу в студию, заботливо закрыв за собой дверь. Вошедшие представились сотрудниками банка. Потом тетка что-то долго и нудно зачитывала, а мужчины фотографировали квартиру, не обращая внимания на яростные протесты ошарашенной Даши и несколько неудачных выпадов смирившегося Дениса. Хозяев бесцеремонно отталкивали, а те не могли тягаться с ворвавшимися в физической мощи.

На звуки бытовой трагедии из своего закутка появился шестнадцатилетний сын четы, Влад — высокий, тощий и уг-

ловатый, с растрепанными густыми черными волосами. Парень возник буквально ниоткуда. Выскочил из своей «комнаты», которая представляла из себя спальное место, отгороженное тонкими перегородками.

— Че случилось? — подросток вытащил наушники. — Мам, что они тут делают?

Даша схватила за руку коротышку и ничего не ответила. Кряжистый легко стряхнул женщину, та упала и вместо слов подняла дрожащую руку, указывая на мужа.

— Бать, кто это такие?

— Сын, все нормально... — отец звучал крайне неубедительно.

— Они к нам ворвались, обижают мать! Это нормально?

Глава семьи помог супруге подняться, но ничего не ответил, а только сжал кулак правой руки и зыркнул на обидчика. Тот даже немного отступил.

— Что случилось? — не сдавался подросток.

— Папа остался без работы! — плача, крикнула Даша.

— Мы теперь банкроты, — добавил отец.

— Это как? — супруга от удивления оперлась о хлипкий шкаф.

— Завтра от нас требуют покинуть квартиру и прибыть на пункт сбора...

— Они что, охренели? — Влад окинул взглядом трио из банка.

— Будем разбираться, нельзя так оставлять, — Денис по-

жалел, что именно сейчас решил вывалить все на сына. — Я обязательно разберусь...

— Молчать! — рявкнул коротышка и немного придавил протестующего своим торсом. — На нары захотел? Уведомление читал?

Атакуемый растерялся от такого агрессивного напора.

— Я не слышу ответа, — немного убавил громкость лысый. — Уведомление читал?

— Читал.

— Раз читали, тогда помолчите. Потом без лишнего шума все между собой обсудите, — противным трескучим голосом скомандовала женщина с собакой, которая так сильно тряслась у нее на руках, что, казалось, помрет прямо здесь.

В квартире стало душно и тесно, как в переполненных вагонах старых электричек, которые на многих направлениях до сих пор плелись от станции к станции, уничтожая веру местных пассажиров в прогресс.

— Сейчас я выдам вам распечатанные экземпляры уведомления. Их нужно подписать, — представительница банка опустила собачку на пол, порылась в своей сумке и достала два листа бумаги.

— Так мы ведь получили его в электронном виде, — Денис полез в карман за смартфоном.

— Тем более расписывайся, если успел прочитать, — коротышка практически перешел на крик.

Обладательница трескучего голоса протянула ручку.

— Не пойму, зачем это? — хозяин квартиры начал выводить на первом листе свою неоправданно длинную подпись.

— Чтобы наверняка, — ухмыльнулся второй сотрудник, забрав у него подписанные документы и показав бумаги женщине.

Та пробежалась глазами и утвердительно кивнула:

— Валерий, отдайте семье их экземпляр.

Лысый вернул один лист Денису. Второй мужик достал из рюкзака какие-то устройства и одно протянул Даше:

— Наденьте на правую руку.

— Это наручники? — отшатнулась она.

— Мы ж не звери, — оскалился кряжистый. — Просто электронные браслеты. С вас их снимут в пункте сбора.

— Не задерживайте нас, — неожиданно громко разразилась представительница банка. — Надевайте... Валерий, Игорь, помогите им. У нас сегодня еще четыре квартиры.

Сотрудники ловко нацепили устройства на руку каждого из членов семьи. Потом эти трое ушли, даже не попрощавшись.

— Что происходит? — Даша выглядела как маленький испуганный зверек. — Кто они такие? Это бандиты? Тогда при чем тут банк?

— Нас действительно признали банкротами. Мне десять минут назад пришло такое же извещение.

Денис протянул жене свой телефон, на экране которого светился финансовый приговор. Она не стала читать, а взяла

бумагу, которая беспомощно тряслась в его пальцах.

— Не может быть... — бормотала супруга, нервно потирая лоб и скользя взглядом по строкам. — Нельзя так сразу... К нам даже коллекторы не приходили... Нужно обжаловать... Это же ошибка... Да, Денис? Ошибка же? — она обратилась к нему с такой искренней надеждой, что мужу отчаянно захотелось кивнуть, соврать и успокоить, но наглости на такую роскошь у него не оставалось.

— Думаю, не ошибка... — мужчина соскреб остатки воли и взглянул ей прямо в глаза. — Как я и объяснил, нам нужно завтра быть в пункте сбора. Но не волнуйся, я разберусь...

— Это бред, — Даша оторвалась от уведомления и передала его назад. — Там еще мелким шрифтом что-то написано, без очков не вижу.

— В смысле, мелким шрифтом? У меня такого не было, — муж с минуту читал и перечитывал, потом удивленно уставился на нее, а затем снова уткнулся в еле различимый текст, сверяя его с содержанием электронной версии.

Отличие заключалось лишь в строке, написанной карликовым шрифтом. Он прочитал ее вслух:

— Лица, прошедшие процедуру социальной отработки, к прежнему месту жительства не возвращаются.

— Что значит «лица, прошедшие процедуру социальной отработки, к прежнему месту жительства не возвращаются»? В каком смысле — не возвращаются? Это же незаконно! — жена выхватила у него уведомление.

Денис наполнил себе третью рюмку, но пить не стал, а посмотрел на сына. Влад воспринял новости спокойнее, чем мать с отцом:

— Зашибись! Нас списали. Надо валить отсюда, пока есть возможность.

— Вот с этим? — отец потрянул рукой с черным браслетом, а потом закрыл коньяк. — Без вариантов.

— Попробуй вскрыть, — сын с вызовом уставился на него.

— На, смотри, — мужчина вытащил из шкафчика нож и попытался разрезать черный ремешок, но на нем не осталось и следа. — Ничего не получится.

— Всегда есть варианты, — в интонации сына проскользнуло легкое презрение.

— Если завтра не появимся в пункте сбора, можем сесть на 25 лет. Давайте сейчас без паники. На месте будем разбираться. Тут какая-то опечатка или сбой. Я уверен.

— Да они просто отжимают квартиру, батя! Ты чего, не видишь? Это развод. Нельзя об этом молчать, — Влад присел рядом с матерью.

— Никто не должен знать о нашем банкротстве, — предупредил Денис и попытался сунуть сыну извещение. — На, почитай.

— Не буду я читать! Тут все ясно. У нас отжали квартиру.

— Никто у нас ничего не отжал. Завтра все выясним, — отец не был уверен в своих словах, но не мог ответить по-

другому. — Круглосуточный пункт рядом с домом. Выйдем часа в четыре утра, пойдем пешком, разберемся и до обеда успеем вернуться домой. Вот увидите. Будем защищать свои права.

— Какие права? Ты в каком веке живешь? У нас отбирают даже право сдохнуть дома, — в последний раз встрепенулась жена, а потом уставилась в стену, не обращая внимания на многочисленные вопросы сына и однотипные ответы мужа, которые в основном представляли собой раздражающую многих комбинацию из трех слов: «Я не знаю».

Затем она молча встала, подошла к шкафу и начала собирать вещи, потому что сломалась.

Этой ночью никто из троих практически не спал. Мрачную тишину нарушали только крики ссорящихся соседей. Лишь под утро, впервые за очень долгое время, Денис сам обнял жену, а та не стала упираться.

Так супруги и заснули, чтобы совсем скоро проснуться совершенно разбитыми и обреченными. Пробуждение наступило после крика Даши, которой приснилась боль — такая сильная и живая, что могла любого навсегда оставить в заложниках. А еще во сне мелькала черная изба.

Кошмар, как это часто бывает, почти сразу размылся и совершенно не запомнился, но отложился в подсознании.

Обреченные

Денис первым спустился вниз. Пока ждал, в сотый раз глянул на потрескавшиеся ступени. Те самые, которые капитально отремонтировали несколько месяцев назад.

— Вот уроды, — прошипел он, а потом сообразил, что конкретно эти уроды в его жизни больше не имеют никакого значения. Но ближайшие события обязательно подарят новых, в чем мужчина не сомневался.

Где-то вверху раздалось едва различимое жужжание. Над двором плавно кружил небольшой черный дрон, который тотчас остановился и теперь парил в стороне от подъезда. Беспилотник слегка затрясся и улетел, как только его заметили.

— Что там?

Рядом с синей спортивной сумкой отца упала черная — спустился Влад.

— Где мама? — Денис пропустил вопрос сына, чтобы задать свой.

— Вернулась. Сказала, что не помнит, выключила газ или нет, — подросток щурился на яркое утреннее солнце, которое сумело пробиться через привычный для здешнего неба смог. — Но какой смысл проверять, если у нас отжали квартиру?

— А как же соседи? Если вдруг рванет? — отец взглянул

на бледное и вытянутое лицо сына.

— Тоже верно.

Дальше оба не разговаривали, пока в подъезде не послышались шаги. Спустилась Даша.

— Зря возвращалась? — муж попытался улыбнуться, но получилось криво, жалко и неестественно.

— Да, выключила.

— Мне кажется, что за нами следит дрон. Я спустился и сразу его увидел. Беспилотник только что улетел.

— Не факт, что за нами. Дроны сегодня повсюду, — вставил свои пять экспертных копеек Влад и взял сумку.

— Ладно, постояли на дорожку и хватит, — отец последовал примеру сына и закинул сумку на плечо.

Семья в полном составе спустилась со ступенек и без спешки двинулась к пункту сбора. Вскоре над ними вновь появился дрон.

— Я же говорил, что за нами следит беспилотник, — муж указал пальцем вверх.

Подросток поднял голову и пожал плечами. Даша даже не стала обращать внимания. Она сейчас глядела куда-то внутрь себя и ничего там не находила.

Других тем для разговора или даже пустого отвлекающего трепя пока не находилось, что еще больше угнетало. Неприятно светлое небо равнодушно провожало их.

— И что теперь? — не выдержала жена.

— Не знаю, — муж уставился вперед, не удостоив ее

взглядом.

— Почему мы никому не можем сказать? Это ведь незаконно?

— Даш...

— Мы должны что-то делать. Мы же имеем хоть какие-то права... на защиту. Нельзя вот так просто идти, как овцы...

— Я пока не знаю, как быть! Денег нет, связей — тоже, — грубо оборвал он. — Правда, пока ничего не понимаю, но мы прорвемся. Поверь... Я постоянно пытаюсь придумать, что делать. Дай немного времени и не беси, пожалуйста.

Женщина замолчала, но ненадолго.

— Ты знаешь хоть одного банкрота? Я вот никого не знаю. Никто не знает. Значит, многие просто без следа исчезают из города, а мы не замечаем. У нас тут везде должники и нищие. Просто никто ни с кем не общается, никто ничего не видит. Мужчина не ответил.

Влад, который шел впереди в наушниках, слышал их разговор.

— Может, это все фейк, — бросил он через плечо. — Проверка какая-нибудь.

Ответа от родителей не последовало. Они свернули за угол.

— Эй, осторожнее! — крикнул Денис, которого чуть не сбил выбежавший навстречу мужик лет сорока, чье лицо перекосило от страха и зашкаливающего адреналина.

Бегущий даже не извинился. На руке, которой тот усердно

махал, висел такой же черный браслет, как и у них. Вдруг мужчина остановился и повернулся.

— Помогите! — завопил он. — Пожалуйста!

Но, не дождавшись ответа и тем более каких-то действий, снова рванул. Из-за угла за ним выскочил человек в черной униформе.

— Стой, сука! Я стреляю!

Из другого переулка прямо перед беглецом вывернул и остановился серый микроавтобус без номеров. Дверь машины была открыта. Оттуда выскочили трое: двое — в униформе, а один — в штатском. Все произошло за несколько секунд. Жертву сбили с ног и начали крутить.

— Помогите! Люди! Вы чего стоите?! — визжал он.

Денис выступил вперед, Даша попыталась его удержать, но бесполезно. Из микроавтобуса вылез еще один сотрудник в серой униформе и нацелил на него пистолет.

— Пошел назад! Считаю до трех и стреляю.

Банкрот в нерешительности остановился, почувствовав, как загудели виски, как сердце начало колошматить, как злость разгоняла по телу сильную дрожь.

— Денис, успокойся, я прошу! — крикнула жена.

— Батя, иди сюда! — закричал обычно спокойный сын.

Отец поднял руки и медленно вернулся к своим. Неудачливого беглеца бодро и зло заталкивали в салон. Жертва обреченно сопротивлялась и дико кричала, как свинья, которую связали и хотят опалить:

— Помогите! Там людей целыми поездами увозят! Помогите! За вами тоже придут, и никто вам не поможет!

Схваченному отвесили несколько ударов в живот и запихнули в микроавтобус. Дверь закрылась, и машина, свистя шинами, уехала.

Даша стояла, вцепившись в сумку, как во что-то спасительное. Дениса продолжало трясти. Мужчина прокручивал эту ситуацию у себя в голове и все больше ненавидел собственную беспомощность.

— Беспредел, — Влад обернулся на него. — Ты еще веришь, что в этом пункте будет как-то по-другому? Зачем мы сами туда идем?

— Ты видел, что с людьми делают? — отец повысил на него голос. — Сбежим — повяжут, как этого бедолагу. Мы у них как на ладошке.

В подтверждение его слов наверху снова появился уже ставший знакомым черный дрон, который теперь летел на более низкой высоте, совершенно не скрывая своей основной миссии.

— За один день мир свихнулся. Какой-то ад. Не было же такого, — Даша отходила от стресса.

— А может, и было, просто мы не знали, — у мужа перед глазами продолжала маячить недавняя сцена. — Пойдемте.

— Нахрен вы меня рожали? — подросток поправил на плече сумку и побрел впереди.

— Наш сын даже с друзьями не попрощался, — задумчи-

во произнесла женщина.

— Нет у меня друзей, — зло бросил из-за спины сын.

— Как нет? Ты же иногда переписываешься с кем-то...

— Мы просто играем. Я их даже ни разу не видел.

— А в школе?

Парень остановился и повернулся к матери:

— Школа — дерьмо.

Он надел наушники, показав, что его достали разговоры и расспросы.

Дальше семья почти совсем не разговаривала, а поспешно шагала в неизвестность, в которую им приказали прибыть. Солнце лениво и равнодушно стегало своими лучами три обреченных силуэта. Навстречу почти никто не попадался.

Тишина прервалась лишь однажды.

— Кажется, пришли, — Денис первым заметил несколько десятков людей, которые сгрудились у высокого забора.

— Это колония? — Даша схватила мужа за руку.

Толпа

Перед ними возник бетон, уходящий на шесть или семь метров ввысь и на десятки метров вширь. Забор был увенчан колючей проволокой и казался слишком неприступным, чтобы ограждать обычную территорию. Но над этой «крепостной стеной» возвышались лишь несколько офисных зданий, что ненадолго отсекло мысль о колонии.

Денис заметил такие же черные браслеты на руках у всех, кто здесь толпился. Масса сосредоточилась рядом с небольшим пропускным пунктом. Это была совершенно неприметная дверь, которая издалека почти не выделялась на фоне мощного забора. Только скромная табличка выдавала ее статус.

Здесь почти никто не разговаривал, даже те, кто явно знал друг друга. Настоящая выставка унылых лиц. Подошедшая тройца без проблем смешалась бы с остальными, потому что ничем от них не отличалась. Сегодня эта маленькая семья стремительно становилась частью серой массы, ожидавшей, когда кто-то нарушит гнетущую паузу, имя которой — «затягивающая неизвестность».

Потребовалось подойти поближе, чтобы стало ясно: перед ними вовсе никакая не толпа, а безобразная по своей сути и бесформенная по своим очертаниям очередь. В таких обычно выстаиваешь часами и до конца не понимаешь, кто пер-

вый, а кто — в самом хвосте.

— Подскажите, кто крайний? — громко, но так, чтобы не привлечь к себе всеобщего внимания, поинтересовался Денис.

Как часто бывает в подобных случаях, никто ему ничего толком не ответил, хотя на вопрос и откликнулись несколько граждан.

— Здесь все крайние...

— За мной еще трое, но я их не вижу, а за ними еще кто-то стоял.

— Нужно пораньше приходить, чтобы крайних не искать.

— Тогда я буду за вами, — он запомнил низкую смуглую женщину и двинулся к своим.

— Но за мной заняли еще пять или шесть человек...

— Когда придут, тогда и разберемся, — кинул Денис, не поворачиваясь.

Весь этот бытовой абсурд ненадолго отвлек от жизненной трагедии.

— Ну что? — спросила Даша, когда муж подошел.

— Бардак, как в очереди за талонами на фермерские продукты.

— Бред. Чтобы исчезнуть, народ грызется за места в очереди? — жена нервно и коротко засмеялась. — Как на распродаже несчастья. Мир действительно сходит с ума. Или просто мы — неудачники и выбрали самое нездоровое время для того, чтобы попытаться в нем жить?

— Там хрен что разберешь, — начал оправдываться супруг. — Занял за теткой, но за ней еще целый цыганский табор. Пойдемте, встанем поближе.

— Может, мы не туда подошли? — лениво вклинился Влад, которому, видимо, надоело стоять и слушать музыку. — Давайте я пойду и узнаю, а то вечно будем тут тупить.

— Ты сдурел? — отец вплотную приблизился к сыну и перешел на еле слышный шепот. — Вот так подойдешь и спросишь, куда тут банкротам проходить? Запомни: об этом никто не должен знать. Никто. Иначе все втроем загремим и очень надолго. Мы же не знаем, кто все они.

Подросток скривил свою традиционно недовольную гримасу, демонстрируя, что смертельно устал от всех вокруг и от самой жизни, которую еще даже не попытался начать проживать.

— Ну и что ты предлагаешь? Стоять на одном месте и продолжать тупить?

— Сейчас что-то придумаем... — начал по привычке оправдываться отец, но заметил, как дверь пропускного пункта открылась и выпустила к бесформенной очереди трех человек: двоих в штатском, а одного — в военной форме. Лица — безразличные, незапоминающиеся, незамысловатые, уставшие и грубые.

Один из «гражданских» поднял в руке сканер.

— Подготовьте штрихкоды из уведомлений, — предупредил он спокойным и даже где-то вежливым тоном. — На

экранах или в бумажном варианте.

Часть очереди моментально хлынула вперед, стараясь оказаться как можно ближе к неизвестности.

— Назад! — громко выпалил второй в штатском.

Этого оказалось недостаточно. Несколько подбежавших не послушались, тогда сотрудник в военной форме нацелил на них автомат и прохрипел:

— Пять шагов назад.

Его аргумент выглядел весомым. Не ожидавшие такого поворота граждане отступили.

Военный несколько секунд с внимательным равнодушием сканировал глазами тех, которые оказались самыми наглыми. Денису подумалось, что мужчина тоже не понимал, почему эти должники ведут себя так, будто перед ними окно возможностей или хотя бы очень дефицитный товар. Почему они не могут принять свою настоящую роль — роль банкротов, которые находятся в состоянии сильнейшей тревоги и тотальной неопределенности?

— Теперь выстроитесь в две колонны! Повторяю — в две колонны! — скомандовал военный.

В толпе раздались вопросы:

— В две колонны?

— Это как?

— По двое...

— В две линии...

— Как в детском саду...

Многие ринулись делать то, что очень плохо получается у толпы без предводителя и координаторов. Они стали самоорганизовываться. Поначалу выходило так себе. Бесформенное стало еще и хаотичным, забурлив на разные тембры.

— Быстрее, — военный опять зачем-то поднял ствол автомата.

Хаос начинал приобретать очертания порядка. Молодой парень и немолодая женщина взяли на себя роль организаторов построения, расставляя, координируя и объясняя.

Денис неожиданно оказался в самом конце. Даша и Влад стояли где-то ближе к голове другой колонны. Их в суматохе кто-то выдернул в самом начале сутолоки. Глава семьи даже не успел среагировать.

Мужчина обратил внимание на свою руку, разглядывая черный браслет, плотно сидящий на запястье. Еще вчера наручник казался чужим, а теперь являлся единственным, что связывало всех этих людей в тугой узел полнейшей неопределенности.

Колонны продвигались удивительно живо, никаких пробок. Каждый подходил, подносил телефон, потом звучал короткий сигнал, и военный командовал: «Следующий». Было видно, что процесс отлажен. Возможно, ритуал проводился десятки или даже сотни раз.

Никто не задавал вопросов. Находящиеся в колоннах банкроты просто текли вперед, сосредоточившись на самом действе. Шаг, второй, третий.

Когда очередь сократилась почти наполовину, что-то пошло не так. Массивная женщина с ярко накрашенными губами протянула телефон, но сканер не издал звука.

— Почему-то не хочет, — она вновь поднесла мобильник, но устройство продолжало молчать.

— Есть с собой уведомление на бумаге? — безразлично поинтересовался один из сотрудников в штатском.

— Да, секунду, — красногубая начала нервно перерывать свою сумочку и вскоре протянула проверяющему измятый листок. — Возьмите.

Человек в штатском даже не шевельнулся.

— Поднесите штрихкод к аппарату.

Дама, явно нервничая, выполнила просьбу. Сканер проигнорировал ее усилие. Она сделала новую попытку — ни звука. Еще одну и следующую за ней. Ничего.

— У меня все в порядке, — бойко заверила женщина, для большей убедительности прикрикнув. — Вы, наверное, не так...

— В сторону, — перебил ее сотрудник.

— Подождите, вы даже не проверили...

— В сторону.

Красногубая осталась в очереди. Денису показалось, что она начнет залпом спорить, продолжать повышать голос, требовать объяснений. Но вместо этого дама просто замерла, не понимая, что именно от нее хотят. К колонне подошел военный, который спокойно, без какой-либо видимой агрес-

сии, взял пышногрудую за локоть и отвел в сторону. Женщина не сопротивлялась.

Процесс снова набрал прежний темп, но ненадолго. Следующим оказался небритый седой мужчина с покрасневшими глазами и измученной алкоголем физиономией. На все его попытки устройство отвечало неизменным молчанием.

— В сторону, — так же равнодушно скомандовал сотрудник в штатском.

— Слушай, давай нормально пообщаемся, — начал мужчина, наклоняясь ближе. — Я не против, но надо же объяснить...

— В сторону.

— Да подожди ты...

На этот раз военный был более резок. Несколько быстрых движений — и седой уже стоял рядом с краснорубой. Он выглядел одновременно злым, сбитым с толку и ошарашенным. К тому же, кажется, начал трезветь.

Третьей оказалась совсем юная худенькая девушка. Она держала телефон обеими руками и при каждой новой попытке причитала:

— Ну, пожалуйста.

Сканер снова не сработал. Девушка уперлась взглядом в экран, потом уставилась на сотрудника в штатском.

— Это ошибка, да? — негромко уточнила она. — Тут есть штрихкод, но почему-то не работает. Не я же виновата...

— В сторону.

— Пожалуйста...

— В сторону.

Девушка не сдвинулась.

Военный сначала просто наблюдал за ее поведением и делал это немного дольше, чем в двух предыдущих случаях, а потом приблизился и жестом показал, куда нужно отойти. Этого движения вполне хватило. Девушка распознала всю серьезность сигнала и отошла, чтобы встать рядом с пышногрудой и седым, с которыми, наверное, никогда бы и нигде не встала, если бы не этот день и не эти обстоятельства.

Денис почувствовал, как у него внутри все стянулось в один большой узел. Да так противно, словно личность выпотрошили. Колонна продолжила двигаться, забыв про тех троих, как если бы их никогда в ней не было.

Когда подошла очередь Даши, та немного замешкалась, но вскоре протянула телефон. Прозвучал сигнал. Жена выдохнула.

— Есть, — прошептал он.

Влад следовал сразу за ней. Подросток без спешки показал свой мобильник, и раздался сигнал.

— Отлично, — обрадовался отец, стараясь не показать этого.

Когда настал его черед, мужчина окончательно убедился, что боится только одного. И это не система, которая загнала их в такое положение. Сейчас он боялся лишь молчания сканирующего устройства, которое оказалось не таким все-

ядным, как думалось изначально.

Денис поднес телефон. Последовала секунда молчания, которая разогнала напряжение, а за ней — сигнал.

— Проходите, — равнодушно отчеканил сотрудник в штатском.

Дверь снова автоматически открылась, пропустила очередного банкрота и закрылась, отрезав замыкающего колонну от тех троих.

К нему тут же повернулось мясистое и потное лицо стоящего впереди мужика:

— Кажется, не выйдем мы больше отсюда. Увезут подальше, чтобы никто не нашел. Как говорится, не жили хорошо, а хреново пожить всегда успеем.

Досмотр

Чувство тревоги стекало каплями холодного пота вниз по спине. Чувство отчаяния становилось липким. Денис устал в пол и не понимал: где воля, где мысли, где сопротивление? Где это все — у него, у тех, кого сюда пригнали, у остальных, кого посадили в пункте сбора пастухами?

Окружающее пространство не отвечало на подобные вопросы, а лишь угрожало и намекало на какие-то плохие последствия, оставаясь при этом привычным.

Территория пункта сбора походила на обыденность, которая сопровождала тебя всю жизнь, но родной так и не стала. Подобным образом могла бы выглядеть территория у дома культуры, больницы или школы. Тут когда-то воткнули в землю несколько офисных зданий, абсолютно типичных для сегодняшней незамысловатой застройки. Под ними разлился потрескавшийся асфальт, который кое-где разбавляли облупленные скамейки и квадратные каменные урны.

Муж наконец отошел от ступора, огляделся, найдя глазами жену и сына, чьи растерянные лица отлично вписывались в атмосферу общей подавленности. Его самые близкие стояли рядом со сброшенными на пол сумками. Он побежал к ним еще до того, как был замечен.

— Наконец-то, — произнесла на выдохе супруга. — Мы подумали, что тебя не пропустили.

— Все нормально.

Влад сделал вид, что не переживал. У него получилось даже не наигранно, а просто фальшиво.

— Встаем в одну колонну, — крикнул кто-то из сотрудников в штатском, не давая расслабиться и указывая на стеклянные двери ближайшего к ним офисного здания. — Повторяю, строимся в одну колонну. Потом по команде и по одному заходим в помещение. Готовим вещи к досмотру.

Опять возникла привычная неразбериха, но толпа справилась быстрее, чем в первый раз. Денис снова оказался в хвосте, но на этот раз жена с сыном стояли рядом.

— Все металлические предметы выкладываем на стол перед лентой. Подготовьтесь заранее, — хрипло пробасил тот, который был в военной форме. — Проходим строго по одному. Все стоят строго в колонне.

— Подготовьтесь заранее... Мне тут без ремня торчать целый час, что ли? — пробурчал мужик средних лет, который стоял позади. — Ничего, подождут, пока сниму.

Денис равнодушно подумал, что на больший протест этот доходяга не способен, как и он, как и все остальные. И это не их вина, если посмотреть на трагедию под определенными углами.

Когда сотрудники убедились, что колонна готова к досмотру, должников одного за другим начали пропускать внутрь через сеть металлоискателей. Уже там, в утробе помещения, с прицельным вниманием — но не к людям, а к

содержимому их багажа — у каждого проверяли сумки и чемоданы. Выкладывали из них «запрещенные предметы»: бутылки с водой, шампуни, электронные устройства, металлические предметы, книги и много чего еще. Слишком много чего еще. До боли много.

Досмотр проводили мужчина средних лет и две плотные, но пока не толстые женщины, ему под стать. Лица — цвета хронического нездоровья, с выражением усталого равнодушия.

— Вы семья? — спросила одна из проверяющих, когда очередь подошла к Даше.

— Да, — она притянула к себе сына; на мужа рук не хватило, поэтому тот подошел сам.

— Сколько багажа на одного?

— Два с половиной на троих. У меня — совсем маленький.

— У вас в руках ваши вещи?

— Да, но часть моих вещей находится у мужа...

— Значит, вы собираетесь остаться без них? — никакой злобы через этот вопрос не просачивалось, одна сплошная функциональность.

— В смысле «без них»? — встрял в разговор Денис.

— В коромысле, — сотрудница как-то смешно сморщилась. Наверное, пыталась показать коромысло. — На одного гражданина не более одной сумки установленных габаритов. В каждой единице багажа должны быть только личные вещи

этого конкретного человека. Вы правила читали? Для кого мы их пишем? Для себя?

— Извините, — поспешила заткнуть супруга Даша. — А если все мои вещи не поместятся, мне их тут оставлять?

— После досмотра поместятся... Но вот, на всякий случай, одноразовая сумка, — дама порылась где-то за своей спиной и брезгливо передала что-то похожее на большой пакет, какие лежат под кассами магазинов. — Свою после процедуры оставите у меня.

В вещах рылись тщательно, проворно и безжалостно. Потери семьи оказались внушительными. Им оставили только одежду. Тяжелее всего пришлось Владу, который даже попытался отвоевать свои наушники. Парень чуть не устроил скандал, но вскоре уgomонился, увидев подходящего мужчину в военной форме.

Взамен конфискованного каждый из них получил распечатанный талон, на котором бледнело одно слово «Рубеж» вместе с прилипшим к нему порядковым номером. Денис с Дашей не стали перекладывать его вещи в полученную сумку. После досмотра она действительно не понадобилась.

По периметру большого, зияющего сплошными пустотами помещения стояли пластиковые кресла, как на стадионах. Свободных почти не осталось, но семья нашла три места рядом. В зал набилось человек семьдесят, не меньше. Некоторых они раньше не видели.

Кого тут только не было: одиночки, целые семьи, пары без

детей. Люди разных возрастов, полов, внешностей, но одного напуганного и подавленного состояния. Многие сидели молча. Самые смелые, активные или смятенные перешептывались.

— Мне кажется, что некоторые здесь точно не из нашей очереди, — попытался разбавить гнет молчания муж, который старался казаться собранным и бодрым, хотя таковым не являлся даже в обычной жизни.

Никто не ответил. Супруга выглядела отрешенной. Сын как-то тоже стремительно потух, сгорбился, побледнел и скрылся в себе. Парень сидел, уставившись в одну точку, и отбивал правой ногой нервный и рваный ритм. Иногда он нервно вскидывал голову, поворачиваясь в сторону матери или отца, но тут же опускал, как если бы передумал в чем-то признаваться. Родители, не сговариваясь, заметили в подростке эту перемену. Его холодность, раздражение и равнодушие к происходящему куда-то отступили. Их прогнала сильная тревога.

— Бать, мама... — Влад прозвучал искренне, как напуганный ребенок. — Что с нами будет?

— Сейчас узнаем, — прошептал отец и похлопал его по плечу, а потом обнял. — Видишь, сколько народа сидит. Даже дети есть. Может, на социальные работы отправят... Это, конечно, неприятно, но терпимо. Сейчас нам все должны объяснить. Потом еще долго будем смеяться, сколько себе всего плохого нафантазировали.

— Я того мужика вспомнил...

— Какого?

— Которого в машину запихали, — парень перешел на шепот. — Он кричал, что всех куда-то увозят.

— Если бы за мной гнались, я бы и не такого вам напридумывал, — натужная шутка отца не вызвала даже малейшего изменения мимики на лицах сына и жены.

— Нам обязательно все объяснят, — подключилась Даша, которая задумчиво крутила на пальце обручальное кольцо. — Обязательно.

— Ну да, вещи же у нас проверили, — поддержал ее муж. — Теперь ждем.

Влад опять опустил голову, чтобы спрятаться в себе, но всех внезапно взбудрил мужской бас, который вылетел из громкоговорителя. Ищенко Виталия и Ищенко Марию приглашали пройти в кабинет номер четыре. Тут же появились несколько молодых людей в серых футболках, на которых красовалась надпись: «Пункт сбора. Стажер. Есть вопросы? Спросите у меня».

— Ищенко здесь? — крикнул высокий, прыщавый и белобрысый парень с маленькими, близко посаженными глазами и длинным носом.

— Да, да, мы здесь, — со своих кресел к нему подскочили мужчина и женщина, невысокие, полные и напуганные.

— Пройдемте за мной в четвертый кабинет.

Все трое скрылись в одном из двух коридоров, которые,

по-видимому, вели из этого зала в зону, где находились кабинеты.

Так по очереди стали вызывать и остальных. Должники подсакивали и устремлялись со стажерами в один из коридоров. По некоторым гражданам и гражданкам можно было подумать, что они всю свою жизнь ждали именно этого момента.

Денис больше не вздрагивал и не поднимал головы в момент очередного объявления по громкоговорителю. Он думал, что каждого будут вызывать в том порядке, в каком тот стоял в очереди, но ошибся.

— Савин Денис, Савина Дарья, Савин Влад, пройдите в кабинет номер шесть, — раздалось где-то над их головами.

— Савины? — продублировала девушка-стажер: рыжая, кудрявая, невысокая и вполне себе миловидная.

— Да, мы — Савины, — мужчина рефлексивно поднял руку, как школьник, который находится на уроке или боится остаться незамеченным.

Семья в полном составе спешно встала со своих мест.

— Куда нас поведут? — это первое, что он попытался узнать у подошедшей стажерки.

— Меня зовут Марина. Пройдемте за мной в шестой кабинет.

— А что дальше? — не успокаивался Денис, заметив, как насторожился один из сотрудников в военной форме, которых в помещении к этому времени находилось не меньше

десяти.

— Вам там все расскажут, — не дожидаясь ответа, девушка повернулась и стремительно направилась в один из коридоров.

Распределение

Напротив них сидела маленькая симпатичная женщина лет сорока. Ее облик не портили даже синяки под глазами. Когда глаза большие, многие детали за ними теряются. Эти глаза плохо вписывались в мир жестокой бюрократической функциональности, но их обладательница явно находилась на своем месте.

Третьего стула в кабинете не нашлось, поэтому Денис сидел рядом с Дашей, а Влад стоял в полуметре за ними. Сотрудница пункта явно нервничала и била маленьким пальчиком с длинным ноготком по большому сенсорному экрану. Экран ничем не мог на это ответить. Просто завис и терпел.

— Савины? — ей требовалось что-то сказать.

— Да, — Денис кивнул, но этого движения головы никто не заметил.

— Сейчас будем вас оформлять, — продолжая атаковать экран, бросила в их сторону Наталия, судя по надписи на бейдже.

— Куда оформлять? — вклинилась в диалог Даша.

— Давайте ваши талоны и уведомление.

— Вы можете объяснить, что тут творится? — аккуратно начал Денис, протягивая бумагу и квиток.

— Я вас оформляю, информировать будут в другом месте.

— В каком месте? — в интонациях мужчины появился

намок на раздражение.

— В другом, — Наталия победила экран, отсканировала штрихкод на уведомлении и начала сверять данные.

— Почему нам никто ничего не объяснит? — в тоне Влада прослеживались нехорошие нотки.

— Если будете меня отвлекать, то отправитесь без оформления. Инструктаж — не мое дело, — сотрудница протянула свою маленькую ручку. — Давайте остальные талоны.

Глава семейства кивнул жене и сыну. Те протянули то, что от них требовали.

Женщина очень внимательно сверила номера, после чего потребовала у всех троих паспорта и долго вносила данные в базу. Потом водила пальцем по экрану большого изогнутого монитора, морщилась, вчитывалась. Завершив эти процедуры, она подняла голову, внимательно прицелившись глазами аккуратно в узкую щель между сидящими напротив супругами, делая вид, что их в кабинете как бы нет.

— Денис Игоревич, Дарья Ивановна, Влад Денисович, я вас практически оформила для дальнейшего распределения. Напоминаю, что вам нельзя называть причину, по которой вы у нас оказались. Даже мне. Поэтому рекомендую слушать молча, чтобы избежать проблем. Кивните, если все поняли.

Родители кивнули, Влад шевельнул головой, но больше это походило на нервную судорогу.

— Хорошо, — сотрудница протянула им кипу листов, которые минутой раньше выдавил из себя принтер. — Подпи-

шите соглашения о неразглашении, о согласии на обработку персональных данных, на видеосъемку и аудиозапись. Простая формальность.

— Я, пожалуй, ознакомлюсь, — мужчина начал вчитываться в мелкий шрифт, особо не разбирая смысла, но холодный тон Наталии моментально остудил его порыв.

— Естественно, вы можете ознакомиться, но подписать их все равно придется именно в таком виде, если хотите завершить процедуру распределения.

— А если не хотим? — встрял подросток, который тоже пытался разобраться в содержании соглашений.

— Уголовная ответственность.

— За что? — Влад не скрывал своего презрения ко всем в этом кабинете, даже когда следил, как мать подписывает документы.

— За нежелание возмещать ущерб государству. За доступ к секретной информации без оформления необходимых бумаг. Этого достаточно?

— Чушь... — сын хотел продолжать, но вмешался отец.

— Прекрати. Подписывай.

Все трое подписали.

— Так, так, — Наталия проверила каждую страницу. — Отлично. Теперь еще одна формальность — профилактическая беседа с виртуальным ассистентом.

— Зачем? — теперь пришла очередь удивиться Денису.

— У нас внедряется человекоцентричный подход, — со-

трудница достала электронную сигарету и пошла к окну, попутно голосовой командой «Старт» включив плазму, которая висела на стене перед посетителями.

На экране появилась мультяшная и очень милая панда, которая заполнила кабинет своим мягким бархатистым тембром:

— Здравствуйте! Я виртуальный ассистент Мишутка. Я буду общаться с вами человеческим, а не канцелярским языком. Прошу слушать внимательно и не перебивать.

Денис Игоревич, вам сейчас сорок четыре года, жене — сорок два, сыну — шестнадцать. Ипотеку вы взяли четыре года назад, когда в семье имелось два кормильца. Взяли не абы что, а целых четырнадцать квадратных метров в новом жилом комплексе. Нет, чтобы взять восемь квадратов в аварийном жилфонде. Или можно снимать социальное жилье — комнату на десять квадратных метров в промышленной зоне, как делает средний класс. Но вам же шик подавай. Живете не по средствам...

— Это не ваше... — захотел возмутиться мужчина.

— Помолчи, должник, и послушай меня, — холодно обрубил Мишутка. — Лучше посмотри на себя. Лицо отчаявшегося, погребенного под взятой на семью ответственностью безответственного гражданина. Седых волос на голове больше, чем темных. Выражение оттенка безнадёги, цвет лица — нездоровый. Как вы с супругой собирались дожить до семидесяти одного года, чтобы расплатиться с банком? Как вы

собирались зарабатывать, допустим, в шестьдесят лет столько же, сколько зарабатывали четыре года назад? Вы ведь и сейчас столько не зарабатываете? Вы сегодня ничего не зарабатываете. Никто не трудоустроен.

— Откуда у вас... — Денис опять не смог закончить фразу.

— Данные о вашем увольнении? — морда виртуального ассистента попыталась улыбнуться, но картинка на секунду зависла. — Это не ваше дело, поэтому вернемся к нашему разговору. Банк дал вашей семье мечту, поверив обещаниям. Банк терпел ваши долги целых четыре месяца. Вы чем думали? Что у вас с математикой, логикой, с самоконтролем? Какие у вас отношения с реальностью? Вы — идиоты?

— А это чучело не охренело? — мужчина повернулся к Наталии, которая опять машинально затынулась.

— Помолчите, — строго сказала та. — Уже почти конец. Мишутка продолжил:

— Вы — бездумные, ветреные, малообразованные потребители, которые шикуют не по средствам. Вы — глупцы, которые решили жить красиво, а закончили на последней ступени лестницы, о которую расширяется судьба обычного гражданина. Вы предали банк, предали его доверие, предали себя!

— Заткнись! — крикнул мужчина, а затем вскочил и подлетел к Наталии. — Зовите главного!

— Я — ваш главный, — сотрудница направилась к своему

столу и села в кресло, посмотрев на часы. — Успели.

Мишутка исчез с экрана.

— Даша, вставай, мы уходим! Это — беспредел, — муж двинулся к двери, весь покраснев от гнева.

— Да сядьте вы наконец, — нервно отозвалась Наталия.
— Мишутка пока работает в тестовом режиме, поэтому не всегда использует корректные формулировки. Просто руководство хочет, чтобы наш сервис был ближе к народу.

— А оскорбления он от себя добавляет? Или так и должно быть? — Денис нехотя вернулся на свое место, строя план, как отсюда выбраться, но никаких стоящих мыслей не появлялось.

— Сегодня сбои в системе.

— Какой сюр, — Даша закрыла лицо руками.

— Не сюр, а инструкция, — сотрудница уткнулась в большой экран и еле слышно пробормотала. — Опять завис... С каждым днем все хуже.

— Что теперь? — мужчина немного успокоился.

— Заработал, — не обращая внимания на его вопрос, выдохнула женщина. — Сейчас распечатаю ваши маршрутные квитанции и посадочные талоны.

— А дальше что? — он повторил попытку достучаться до сидящей напротив, но та успела кому-то позвонить.

— Марина, готово.

Не прошло и минуты, как в дверном проеме кабинета появилась рыжая стажерка, а с ней — лысый мужчина в воен-

ной форме и с автоматом.

— Пойдемте за мной.

Глава обреченного семейства в очередной раз попытался вернуть себе иллюзию контроля, когда они вышли из кабинета:

— Куда вы нас ведете?

— В зону отправки.

— Зачем? — почти хором спросили отец и сын.

— Поедете согласно маршрутным квитанциям. Как будете на место, вам все объяснят.

Денис задал еще несколько уточняющих вопросов, но ответы водили по одному и тому же кругу, что и раньше. Ему показалось, что девушка — робот, но роботы не могли так хорошо копировать человека системы.

Автобус

Стажер молча свернула в узкий проход, убегающий в сторону от основного коридора и ведущий на улицу. Семья шла за ней. Военный следовал в самом конце, в нескольких метрах от Дениса. Когда мужчина решил один раз обернуться, то тут же увидел поднятое дуло автомата. Больше не оглядывался.

Вскоре группа вышла наружу. Проход с обеих сторон и сверху оказался зажат высокой и с виду очень прочной металлической сеткой в мелкую ячейку. «Здесь даже рука не пролезет», — подумал Денис.

Даша уставилась на серое пятно футболки, маячившей впереди, и свыкалась с новой реальностью, где больше ни во что нет веры. Ни в будущее, ни в прошлое, ни в надежду, ни в мужа, ни в себя. Мысли Влада парализовал испуг, который до этого долго отрицался. Подросток видел спину матери, которую согнула обреченность.

В конце коридора стоял небольшой белый автобус с затемненными окнами. Невозможно было разглядеть, есть ли кто-то внутри. Стажер остановилась, просканировала маршрутные квитанции и посадочные талоны.

— Дайте ваше уведомление.

Денис протянул лист. Марина поднесла документ к сканеру, аппарат не отреагировал. Второй раз — снова молчание.

Третий — полное игнорирование.

— Опять завис, — нахмурилась рыжая. — Давай же, работай, сволочь.

Она повторила процедуру. Ничего. Затем девушка немного помедлила и попробовала в третий раз. Сканер опять молчал. Глава семьи сначала заволновался, но, глядя на встревоженные лица жены и сына, устыдился собственной слабости.

Четвертая попытка тоже не принесла ничего, кроме молчания привередливого устройства. Даше померещилось, что небольшой проход, по которому их вели, стал еще уже, и его сетчатые стены продолжали свое невидимое наступление.

— Все в порядке? — гаркнул сзади военный.

— Сейчас, — стажер включила рацию.

После короткой паузы, разбавленной шипением из динамика и нерешительным вздохом Марины, рыжая взволнованно выдала:

— Не проходит сверка по уведомлению. Код не читается.

Сквозь помехи продрался знакомый голос Наталии.

— Маршрутные и посадочные совпадают?

— Да.

— Сканируются?

— Да.

Женщина несколько секунд молчала, а потом скомандовала:

— Тогда пропускай.

Девушка поначалу ничего не ответила. На ее лице выра-

зилась сковывающая напряженность, как если бы она сейчас мысленно пыталась нащупать ту границу, за которую лучше не заходить.

— Нужно менять маршрут автобуса. Это ведь под мою ответственность?

— Это по регламенту, — сухо отозвалась Наталия. — Маршрут в базе изменен при оформлении. Автобус уже должен уходить.

Стажер отключила связь и растерянно посмотрела на Дашу, которая встретила этот взгляд собственной растерянностью. Затем Марина нерешительно приблизилась к панели и приложила пропуск. Металлическая решетка почти бесшумно отъехала в сторону. Одновременно открылась и дверь автобуса.

— Проходите.

Семья зашла в салон. Внутри их встречала неестественно идеальная чистота. Тут помещались всего четыре ряда сидений по три в каждом и узкий проход. На месте водителя — пусто. Стажер зашла следом.

— Садитесь. Автобус сейчас отправится.

— Больше никого не будет? — удивился Денис.

— Вы едете одни.

Они сели на первый ряд: муж — посередине, жена — у окна, а сын — у прохода.

— Пристегнитесь, — попросила рыжая.

— Куда хоть нас везут? — без всякой веры в адекват-

ный ответ поинтересовалась Даша, в тоне которой постепенно просыпалась прежняя обреченность.

— Вам на месте все расскажут, — сухо ответила стажер, выходя из салона.

Дверь автобуса закрылась. На окнах начали транслироваться красивые пейзажи, которых вживую никто из троих банкротов в своей жизни никогда не видел.

Когда на табло высветились нули, транспорт плавно тронулся с места. Семья стала молча разглядывать завораживающие виды, не вызывающие никаких эмоций. В них лишь было что-то убаюкивающее и успокаивающее. В салоне благоухало чем-то приятным и ненавязчивым.

Влад неожиданно для себя перестал бояться и начал погружаться в непривычную расслабленность, но к нему вернулись и остатки бывшего раздражения.

— Вижу, бать, ты отлично разобрался, — подросток даже не удостоил взглядом того, кого обвинял. — Едем с комфортом и без лишних глаз.

Отец молчал, чувствуя, как ответственность отдается ударами в висках.

— Почему у нас все так? — не унимался сын.

— Почему они гонят целый автобус ради троих? — задумчиво произнес Денис, отстегнув ремень безопасности и поднявшись.

— Сядьте на свое место и пристегнитесь, — моментально среагировала программа контроля. — Вы нарушаете прави-

ла перевозки.

Он не послушал и начал искать предмет, которым можно разбить стекло, отделявшее их от места водителя, но ничего подходящего не увидел.

— Сядьте на свое место и пристегнитесь, — опять предупредили динамики. — Вы нарушаете правила перевозки. Отчет о вашем поведении передан системе управления транспортным средством.

— Денис, сядь, — попросила Даша.

Мужчина ударил кулаком по стеклу, но оно совсем не пострадало.

— Батя, садись.

— Денис!

— Сядьте на свое место и пристегнитесь, — вновь прозвучало из динамиков. — Вы нарушаете правила перевозки. Отчет о вашем поведении передан системе управления транспортным средством.

Но банкрот не собирался никого слушать, поэтому снова обрушился на стекло, которое опять осталось равнодушным к его попыткам. В этот момент автобус резко остановился, мужчину ударило разрядом тока, который вылетел снизу. При этом сын с женой не пострадали, шарахнуло только по нему.

— Денис Игоревич, если вы сейчас не вернетесь на место, то мы применим меры, — на этот раз в динамиках зазвучал грубый мужской бас.

— Денис, я прошу, — Даша выглядела очень напуганной, ее отрешенность сейчас куда-то исчезла.

Подросток смотрелся не лучше.

— Ладно, ладно, возвращаюсь, — он лежал, сопротивляясь боли. — Я просто должен был... Должен был проверить.

Подняться и вернуться на место получилось только через несколько минут. Автобус тронулся, как только нарушитель пристегнулся. Жена сидела, сложив руки на коленях. Пальцы нервно сжимались и разжимались. Испуг никуда не уходил. Муж понял, что сглупил и своим поступком лишь усугубил ситуацию: вместо уверенности добавил им новых переживаний.

— Все нормально. Я просто хотел... посмотреть, — оправдания звучали жалко, неубедительно и неуместно. — Не можем же мы вот так сидеть и ехать... Вот так сдаваться. Вы же сами возмущались...

— Бать, извини, это я виноват, — Влад посмотрел на него. — Ничего ты там не мог сделать, как и мы с мамой не могли. Как и все те неудачники, которые там стояли. Никто не мог.

— От этого и злость, — буркнул Денис, внезапно ощутив нахлынувшую сонливость; теперь уже он не поворачивался в сторону сына. — Решение завести ребенка — наше, поэтому мы виноваты перед тобой. Виноваты в том, что сейчас едем неизвестно куда.

— Никто не виноват, — спокойно отреагировал Влад, который тоже заметил, как слова становятся тяжелее, а мысли

— медленнее.

— Прошу, не сдавайтесь, — внезапно каким-то совсем сонным голосом произнес отец. — Мы обязательно выкарабкаемся. Я обещаю, сделаю все, что смогу.

Запах в салоне становился более отчетливым и терпким. Муж повернулся к жене, которая глядела перед собой, но ее взгляд сейчас просто скользил, не имея шанса за что-то зацепиться. Он хотел позвать Дашу, о чем-то предупредить, но смирился с тем, что не успевает.

Автобус продолжал свое плавное движение, больше похожее на полет, чем на езду. В окнах менялись пейзажи. Неестественно красивые, убаюкивающие и чужие. Слишком пустые и сейчас ненужные.

Перед наступающей тьмой Денис увидел, как голова сына постепенно склоняется набок. Мужчина отрубился последним.

Через несколько минут в автобусе раздалась громкая инструментальная музыка, но никто из пассажиров даже не шелохнулся. Тогда шум смолк и прозвучал короткий диалог:

— Добровольцы готовы к отправке в сектор «Д».

— Мудак, ты же не выключил микрофон...

Добровольцы

Влад проснулся не по своей воле: его кто-то грубо и настойчиво тряс за плечо. Он торопливо открыл глаза и инстинктивно вжался в сиденье, когда увидел над собой высокого мужчину в балаклаве и военной форме.

— Кто рядом с тобой? — спрашивая это, солдат уже слегка тормозил отца. — Просыпаемся, просыпаемся!

Подросток не сразу разобрался, где находится, поэтому молчал и уставился на незнакомца ошарашенным взглядом.

— Еще раз спрашиваю, кто рядом с тобой? — вопрос прозвучал громче.

— Это отец, — голос парня дрогнул.

— А женщина?

— Мама.

Человек в форме включил рацию и передал:

— У нас тут семья.

Сквозь помехи донеслось:

— Принято. Ждем, когда выведешь.

— Что случилось? — Влад почувствовал, как подкрадывающаяся паника начала сжимать грудную клетку.

— Вы на месте, — очень неохотно и грубовато ответил мужчина, который продолжал трясти отца за плечо. — Просыпаемся!

Денис открыл удивленные и сонные глаза, уставился на

нависающую фигуру, потом — на сына и снова на нависающую фигуру.

— Кто вы? Что такое? — хрипло отозвался он.

— Разбудите жену и на выход.

Но женщина сама проснулась. Теперь незнакомца сканировали три пары глаз — испуганных, диких и не до конца понимающих, что происходит.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался здоровяк в балаклаве.

— Голова болит, — опередил всех с ответом Влад.

— И у меня, — присоединился Денис.

— Тоже болит. Еще укачало, — пожаловалась Даша, которая вцепилась в руку мужа.

— Хорошо, — незнакомец отступил к двери автобуса. — Тогда поднимайтесь, берите вещи и на выход.

— А где мы? — поинтересовалась женщина, в которой еще теплилась наивная надежда получить хотя бы какие-то разъяснения.

— Вопросы нужно было задавать раньше... — военный хотел что-то добавить, но его отвлекла закрепленная на груди рация.

— У тебя там все нормально? — раздалось сквозь помехи.

— Все под контролем, — мужчина в очередной раз окинул взглядом Дениса как главу семейства. — Повторяю, с вещами на выход, — а потом взглянул на перепуганных женщину с подростком и постарался сказать мягче: — Не вол-

нуйтесь. Проинструктируем, и отправитесь дальше.

— Дальше? — переспросила Даша, которая начала подниматься.

— Выходим, выходим! — человек в форме кричал это уже с улицы.

Они выбрались на хорошо освещенный солнцем пятак, окруженный плотной решеткой. От него в разные стороны уходили три тропинки, вдоль которых тянулись такие же железные ограждения. Денис заметил, что двери автобуса вплотную стыковались с открытыми воротами. Только через них можно было покинуть пятак. «Сбежать не получится», — в очередной раз убедился он.

В тридцати метрах от них стояли и курили еще пятеро военных в таких же масках, что и первый. Перед каждой из тропинок стоял гольф-кар, рассчитанный на четыре места. Семья в нерешительности остановилась прямо у двери автобуса. Сын увидел, как отец отодвинул мать за свою спину.

— Десять шагов вперед, — приказал тот, который их разбудил, и сам начал отходить, но, увидев замешательство стоявших напротив людей, повторил:

— Десять шагов вперед!

— Хорошо, — нехотя согласился Денис.

Когда семья выполняла команду, человек в форме наклонился к своей рации и что-то неслышно в нее сказал. Буквально одно слово. Дверь автобуса закрылась. Остальные сотрудники в масках не обращали на происходящее практиче-

ски никакого внимания. Они продолжали курить и негромко трепаться о чем-то совсем бытовом, казавшемся прибывшей сюда семье теперь таким далеким.

Денис был очень собран и наблюдал за незнакомцами. В нем соседствовали испуг, решимость защитить своих и переживания за двух самых близких людей. Ворота сзади начали автоматически закрываться. Автобус не трогался с места, дразня иллюзией надежды на возвращение к прежней жизни.

— Бать, чего они хотят? — Влад был на полметра позади него.

— Не знаю, сейчас посмотрим, — отец не до конца повернул голову в его сторону. — Хотели бы сделать что-то плохое, давно бы сделали. Зачем сюда везти, будить, выводить?

— Без разговоров, — военный заметил перешептывания.

Мать закусила губу и задрожала от подступающей истерики. Она старалась не смотреть на этих людей в форме, а уперлась взглядом в окружающий их лес. Таких больших и густых деревьев ей раньше никогда не приходилось видеть. За этим плотным частоколом пузатых стволов можно спрятать что угодно, даже собственное бесстрашие. Ветер своими нервными порывами бил по листьям, отдаваясь в них тревожным и тихим шелестом. Солнце вскоре собиралось нырнуть в эту темную зелень. Неспешно вечерело.

«Сколько же мы были в отключке, если наступил вечер?» — подумал Денис, но отвлекся на отъезжающий автобус.

«Вот и все. Иллюзия нас оставила». Потом отец взглянул на растерянного до самой последней степени сына, на охваченную страхом и пытающуюся найти спасение в отрешенности жену, на равнодушных солдат. Десять шагов растянулись на маленькую вечность.

— Теперь слушайте внимательно и не перебивайте, — снова вещал тот, кто их разбудил, доставая небольшой прямоугольный прибор. — Вытяните правую руку голым запястьем вверх.

Первой послушалась Даша, которая подумала, что с них снимут браслеты, потом присоединился Денис. Влад стоял в нерешительности.

— Парень, вытягивай руку.

— Сынок, — не глядя на него, попросила мать, тон которой сейчас состоял из одной сплошной мольбы.

Подросток не хотел, но ему стало ее жалко, поэтому он выполнил очередной бессмысленный приказ. Военный приблизился к отцу, отстегнул черный браслет и почти одновременно приставил к его запястью свой прибор. Денис испытал ощутимую боль, как от слабого удара током.

— Это датчики, чтобы отслеживать вас и ваше состояние, — предупредил военный служащий, когда Даша дернулась, пытаясь отнять руку.

Их сын не сопротивлялся, но сморщился.

— Зачем отслеживать? — запоздало отреагировал отец, хотя был уверен, что ему никто не ответит.

— Вас должны были проинструктировать.

— Нам ничего не объяснили. Мы даже не знаем, где находимся и зачем нас сюда привезли. Что здесь происходит?

— затараторила женщина.

— Вы бумаги подписывали?

— Подписывали, — злобно согласился Денис.

— Значит, добровольцы. Дать заднюю теперь не получится.

— Нас заставили их подписать! Нам угрожали, не было другого выхода...

— Еще раз — вы бумаги подписали?

— Да.

— Дать заднюю не получится.

Тропы

— Слушайте, мы действительно ничего не понимаем, — попытался достучаться до военного Денис.

— Значит, плохо прошли инструктаж. Это не мое дело. Бумаги подписали, согласие дали, поэтому вас сюда и привезли. Назад не отмотать.

— Нас заставили... — попытался возмутиться подросток.

— Такого не может быть.

— Но вы хотя бы можете сказать, где мы? Чего от нас хотят? — Даша сейчас старалась не разреветься.

— Я буду информировать вас исключительно в рамках своих служебных инструкций.

— Пожалуйста, скажите, где мы? — муж аккуратно отстранил жену.

— Какие инструкторы вас готовили? — человек в форме приблизился к ним. — Вы в зоне карантина.

— Какого карантина? Мы чем-то больны? — женщина моментально забыла про слезы.

— Нет. Это просто рабочее обозначение.

— Тогда что это за место? — напирала Даша.

— Сейчас мы доставим каждого из вас к местам аномалий. Дальше будете выполнять задание, которое получили в процессе инструктажа.

— Аномалии, карантин, задание... Что за бред? Какой ин-

структаж? — Влад нервно и коротко засмеялся. — Нам никто никаких заданий не давал.

— Это правда, — мать поддержала его.

— Проверьте, это ошибка, — подключился Денис. — Нас признали банкротами и отправили сюда без всяких объяснений. Сказали, что на месте все расскажут.

— Еще раз, — военный перешел на повышенный тон. — Заднюю дать не получится. Вы — первые в этом проекте. Все данные засекречены и проверяются на разных уровнях серьезными людьми с доступом. Ошибки быть не может. По базе вы — добровольцы, поэтому молчим и слушаем меня.

— Вы не боитесь ответственности?

Солдат в маске проигнорировал этот вопрос. По спокойной реакции военного и его коллег, продолжавших стоять в стороне, стало ясно, что их совершенно не пугают угрозы со стороны гражданских. Они их слышали сотни раз, поэтому успели приобрести иммунитет к любым людским эмоциям. Как опытные врачи, которые каждый день объясняют напуганным пациентам и их семьям, что никаких шансов нет.

— Я последний раз спрашиваю, куда нас везут! — женщина даже не пыталась унять свою истерику.

Муж попробовал ее успокоить, но она ударила его в грудь своим маленьким кулачком. Ударила из последних сил. Влад оцепенел и стоял неподвижно, с пустым, стеклянным взглядом.

— Слушайте меня, — военный подошел к ним совсем

близко и в его интонациях появились какие-то едва уловимые нотки участия. — Мы в любом случае доставим каждого из вас в пункт назначения. Подписались — выполняйте обязательства.

В этих словах сложно было распознать угрозу, злобу, презрение или раздражение — в них оставалось место лишь для выражения ежедневной усталости. Возможно, военнотружущий неоднократно проделывал подобный трюк: уж очень хорошо у него получалось стать для гражданских более близким и одновременно напугать их. Критическая точка отрицания осталась позади. Военный это заметил.

— Хорошо, — вздохнул он и, вроде, даже под маской немного улыбнулся. — У вас есть пять минут, чтобы попрощаться?

— В смысле? — Даша еще не догадалась, но начала предчувствовать, что их ждет.

— Не понял? — Денис же мгновенно распознал поступивший сигнал.

— Каждый из вас поедет в своем направлении, — человек в форме произнес эти слова буднично и как можно отстраненнее, чтобы не накалять обстановку.

Пятеро военных пошли к гольф-карам. Даша вся скукожилась. Влад не шевелился и, казалось, продолжал вращаться в землю. Подросток наблюдал за сужившимся миром через стекло своих глаз, которые явно демонстрировали, что давно перестали верить в происходящее.

— У вас есть пять минут, — повторил мужчина и начал поворачиваться, чтобы отойти.

— Но как же так? — мать начала рыдать и легла на землю. Муж и сын опустились к ней и стали успокаивать, потом Денис вскочил.

— Не надо! Я вас очень прошу. Не надо!

Военный повернулся.

— Советую не терять времени зря. Пять минут пошли. Если ваша жена не придет в себя, вcoleм успокоительное. Это усложнит ее задачу там.

— Мы не знаем, чего вы от нас хотите, поэтому моя семья очень напугана!

— Я от вас ничего не хочу. Вернитесь на свое место. Успокойте супругу, или мы сами ее успокоим.

На женщину эти слова подействовали как-то отрезвляюще. Она встала, резкими движениями вытерла глаза, всхлипнула, на несколько секунд закрыла лицо руками, а потом по очереди посмотрела на своих мужчин, показав, мол, я в порядке.

— Простите меня, — Денис обнял их.

— И вы меня, — Влад отстранился, а потом по очереди крепко обнял мать и отца.

Даша просто стояла и не сопротивлялась объятиям. Она сейчас отчетливо осознала, что так выглядит конец их жизни.

— Я обязательно что-то придумаю, — муж бросался бес-

полезными словами. — Все будет хорошо, слышите?

— Помолчи, — пробормотала жена. — Пожалуйста, помолчи.

— Время вышло, — объявил подошедший к ним человек в балаклаве. — Берите свои вещи.

Его товарищи уже сидели в гольф-карах.

— Что дальше? — обреченно уточнил Денис.

— Вы идете налево, жена — направо, а сын — прямо. Такая вот у вас сегодня развилка — три тропы.

Женщина покорно взяла сумку и не стала даже пытаться протестовать: не осталось ни сил, ни воли, ни смысла. Она почувствовала, как ее еще раз обняли, а потом отстранилась и двинулась к своему транспорту.

Скоро все трое сидели в гольф-карах, каждый в сопровождении двух военных: один управлял, второй расположился рядом.

— Парни, поехали, — скомандовал тот, кто постоянно с ними общался; он сейчас сидел рядом с Дашей.

Его товарищи, которые, по-видимому, давно и с нетерпением ждали этого приказа, завели моторы. Машины разъехались.

Денис, Даша и Влад углубились в густой мрачный лес. Вдоль троп и сверху тянулась металлическая сетка. Темная зелень без остатка проглотила миниатюрные белые машинки.

Гольф-кар, в котором сидела женщина, больше часа катил

по идеально ровному покрытию. Путь проходил через однообразный пейзаж: сплошные деревья и ничего больше. Иногда представлялось, что они кружили по одному и тому же короткому маршруту.

Наконец транспорт остановился у ворот из все такой же металлической сетки, которые вели в небольшой туннель. Через него вряд ли бы проехал автомобиль — слишком узко, но водитель или пассажиры пройти могли.

— Выходите, приехали, — скомандовал сидевший рядом с ней военный. — Протяженность туннеля всего 500 метров. Там хорошее освещение, пройдете и попадете к пункту назначения.

— А что в этом пункте? — спросила Даша тоном загипнотизированной, но на самом деле она была полностью сломлена.

— Мы не знаем, информация засекречена, — сухо ответил мужчина. — Выходите.

Женщина с трудом кивнула, дрожащей рукой взяла свою сумку и вышла из гольф-кара. Человек в форме нажал кнопку на маленьком квадратном пульте, и ворота разъехались в стороны.

— Теперь можете идти.

— Спасибо, — откликнулась она, хотя благодарить было не за что.

— Мне жаль, что вам попались плохие инструкторы. Удачи.

Даша сделала несколько нерешительных шагов, прошла за ворота и остановилась. Она обернулась на военного и увидела, как ворота за ней закрываются. «Нет, не надо, я не пойду туда», — такая мысль ворвалась в голову, но была тотчас отвергнута без всяких шансов. «Какая теперь разница?» Женщина несколько секунд вглядывалась в строение перед собой, а потом побрела вперед.

Туннель действительно был хорошо освещен и оказался не особо протяженным, не выделяясь ничем примечательным. Разве что бетонный свод ближе к концу начинал давить на психику, и появилось ощущение чьего-то присутствия.

Женщина думала о том, что где-то в других частях этого бесконечного леса Денис и Влад, наверное, добрались до своих пунктов назначения. Скорее всего, им тоже ничего не объяснили и просто оставили один на один с происходящим. Больше всего Даша переживала за сына. Он был напуган, растерян и подавлен сильнее, чем взрослые. Мысль о нем оставалась единственным, что еще могло пробиваться сквозь стену апатии и опустошенности.

Ее особо не удивило даже то, что ждало после туннеля, хотя удивиться там было чему.

Ошибка

Марина почти бежала по коридору, хотя понимала, что эта нелепая спешка может привлечь ненужное внимание, но остановиться не могла. В черепной коробке сильно пульсировало, а потом появилось небольшое головокружение. Стажер боялась остановиться, потому что тогда паника точно усилится. «Я так и знала... подозревала же, что не надо...» — эта мысль периодически всплывала, но вмиг тонула под новым напором панической атаки. «Вот дура, дура...»

Девушка залетела в поворот, едва не врезавшись в мужчину в штатском, который недовольно отступил в сторону и проводил ее взглядом, в котором читалось привычное раздражение от чужой суеты. Она даже не смогла извиниться, потому что слова застряли где-то в груди. «Зачем я послушала...»

Этот вопрос умер в зачатке, потому что развивать его во что-то полноценное, формулируя даже в мыслях, было неприятно и даже опасно.

Дверь кабинета Наталии оставалась приоткрытой, и оттуда доносился резкий, нервный стук клавиш. Марина остановилась и отдышалась, заметив, что ладони стали влажными и холодными. Потом стажер осторожно приоткрыла дверь, постучав несколько раз для формальности.

Начальница сидела за столом, наклонившись к экрану, и

так самоотверженно печатала, будто от этого зависело что-то большее, чем просто отчет. Пальцы клацали по клавиатуре с садистским остервенением. Ритм слышался рваным и сбивчивым: периодами сильно замедлялся, а затем устремлялся вперед.

Девушка за полгода стажировки впервые увидела новые эмоции на лице руководителя. Ее привычная рациональность и холодность отступили под натиском раздражения, перемешанного с напряжением.

— Наконец-то, — не отрываясь от своего занятия, бросила женщина. — Чего так долго?

— У меня отправка была... — Марина сделала робкий шаг вперед, потом еще два и остановилась, ожидая разрешения на дальнейшие действия. — Я не могла просто так их оставить...

Наталия убрала руки с клавиатуры, подняла голову и зыркнула на нее так, как смотрят на сотрудника, которого уже фактически списали.

— Садись.

Стажер подошла к столу и послушно опустилась на стул, стараясь не смотреть в глаза напротив, потому что в этом взгляде прослеживалось что-то неприятное и страшное.

Непродолжительное время в кабинете стояла тишина, от которой ладони девушки стали еще холоднее, несмотря на летнюю духоту.

— Под конец дня совсем голова не работает, — на выдо-

хе и теперь не так агрессивно произнесла руководительница, откидываясь на спинку кресла. — С каждым годом отчетов все больше. А эти сверки, списки... Ты ведь понимаешь, о чем я?

Марина кивнула ничего не значащим кивком.

— Сегодня утром в системе опять произошли сбои. Причем какие-то серьезные. Наши айтишники до сих пор разбираются, — продолжила женщина, теперь внимательно разглядывая собеседницу. — Из-за этого вышла одна неприятная ситуация, виноватой в которой, скорее всего, назначат тебя.

— Но почему... Вы же сами... — начала мямлить девушка.

— Помолчи, — холодно осадил Наталю. — Теперь слушай внимательно. Мы с коллегами днем написали коллективную жалобу по поводу этих сбоев. Из-за них сегодня, скорее всего, произошло много ошибок, за которые могут уволить или даже посадить невиновных людей. Мы не хотим отвечать за косяки программистов. Ты согласна?

Стажер кивнула, но все так же ничего не понимала. Для большей убедительности она улыбнулась, но улыбка получилась кривой и выдавала свою искусственную природу.

— Наверное... Это правильно...

Последовала пауза, которая явно затянулась. Подчиненная пыталась предугадать, что случится дальше, но каждое новое предположение выглядело хуже предыдущего. В этот

момент руководительница снова наклонилась к клавиатуре, взяла карандаш и что-то поспешно написала, после чего двумя пальцами протянула ей маленький белый стикер.

Марина еле заметно кивнула вверх.

— Из-за сбоя сегодня целый день не работает запись, — прошептала начальница. — Но записку все равно не свети.

Девушка прикрыла стикер двумя руками, приподняла его и прочитала: «Сегодня никаких твоих ошибок с отправлением не было». Потом несколько раз перечитала и наконец оторвалась от этих строк.

— Но я обязана... — начала она. — Вы обязаны...

— Никто не обязан. Тебе ясно? Сегодня все прошло гладко, с чем тебя и поздравляю, — спокойно прервала Наталия таким ледяным тоном, который звучал тревожнее всех ее тревог.

Марина замерла, пытаясь найти правильный ответ, но слова не складывались, и в голове оставалась только одна мысль: «Как бы себя сейчас еще больше не закопать». Она просто кивнула.

— Хорошо, — произнесла начальница и снова улыбнулась, но теперь в этой улыбке появилась откровенная фальшь. — Сегодня я тебя спасла, когда-нибудь настанет и твоя очередь.

Стажер в этот момент очень остро и четко ощутила собственную беспомощность.

— А что теперь?

— Подпиши, — женщина протянула ей листы.

Подчиненная даже не стала их читать, просто поставила подпись внизу, стараясь, чтобы рука не тряслась слишком заметно.

— Я могу идти? — осторожно поинтересовалась она.

— Нет, — мотнула головой руководительница. — Пойдешь со мной.

— Куда? — девушка не смогла скрыть нарастающий страх.

— Покурим.

— Но я не курю...

Наталия неспешно поднялась из-за стола, пробежавшись по ней взглядом сверху вниз.

— Это поправимо.

— Конечно, если надо...

— Не бойся, просто составишь компанию.

Они вышли на улицу и направились в сторону от центрального входа в здание. Там стояло несколько облупленных скамеек. Вечер постепенно снижал градус дневной жары, и воздух стал прохладнее. Марина это очень хорошо почувствовала, потому что сильный стресс спровоцировал озноб, непрерывно вызывающий разряды мелкой дрожи.

Начальница присела и едва заметным движением глаз пригласила собеседницу расположиться рядом. Та подчинилась. Руководительница достала электронную сигарету, сделала глубокую затяжку и наклонилась к самому уху стажера.

— Слушай внимательно.

Шепот шелестел тихо и не нес в себе ни намека на прежнюю усталость или раздражение — сейчас в нем слышался исключительно расчет.

— Ситуация неприятная, но решаемая. Сегодня все прошло по регламенту, несмотря на сбои в системе. Банкроты были оформлены, проинструктированы и отправлены согласно назначению. Ты расписалась, я расписалась. Выше тоже распишутся. Ты ведь согласна с этим?

— Да... — почти неслышно ответила девушка. — Но они же совсем без подготовки туда поехали...

— А ты думаешь, подготовка поможет им оттуда вернуть-ся? Если такая секретность, то шансов у них нет. Я пыталась выяснить, что это за проект, но никто не знает.

— Я тоже не знаю...

— Поверь, деточка, тебя никто и не имеет в виду, потому что уровень доступа даже у больших чиновников оказался недостаточным. У меня ведь связи, но никто не помог. Так что не шей себе чужую вину.

Наталия внимательно и пристально глядела на собеседницу, стараясь проверить, нет ли у той сомнений, которые могут всплыть в самый неподходящий момент.

— Если начнешь думать лишнее, — добавила женщина, — будет хуже. В основном — тебе.

Стажер торопливо закивала.

— У меня есть знакомые, — продолжила начальница, по-

степенно повышая громкость и возвращаясь к обычному тону общения, — которые умеют приводить бумаги в порядок. Там теперь все как надо. Не переживай.

— А если... — девушка не смогла закончить фразы.

— Не узнают, если сама не расскажешь.

Руководительница повернула голову, проверяя, нет ли рядом лишних ушей, и снова приблизилась губами к уху собеседницы.

— Понимаешь... — ее голос опять стал совсем тихим. — Иногда за такие случаи... даже поощряют.

Марина сходу не расшифровала смысл сказанного.

— Особенно когда совсем не было добровольцев. А их ведь никогда не было. Первых туда только сегодня отправили, благодаря тебе.

Смысл сказанного начал доходить до девушки, отчего ощущение тревоги усиливалось.

— Поэтому тебе нужно просто молчать о сегодняшнем дне и о той ситуации, — Наталия улыбнулась. — Работаете дальше и получаете свою премию.

— Хорошо, — стажер сначала нервно кивнула, а потом удивленно уставилась на собеседницу. — Я премию получу?

— Не всю, — мягко поправила женщина. — Половину отдашь мне.

— Я могу дать больше. Хоть целиком.

— Не надо больше.

Вдруг начальница прервала разговор, резко выпрями-

лась, взглянула вправо и наигранно громко поприветствовала проходящего коллегу.

— Добрый вечер, Александр Максимович!

Марина вздрогнула от неожиданности.

Мимо проходил пожилой мужчина, который кивнул им, не останавливаясь и не проявляя ни малейшего интереса.

Когда тот скрылся, Наталия снова повернулась к подчиненной.

— Если все уяснила, тогда иди, — а после секундной паузы холодно добавила. — И без глупостей.

— Конечно.

Стажер встала и на подгибающихся ногах направилась к зданию. Дойдя до двери центрального входа, девушка позволила себе глубоко вздохнуть. Потом Марина очень медленно шла по коридору, испытывая странное чувство, что находится тут впервые. У нее не пропадало ощущение, что за ней наблюдают.

Влад

Он даже не обернулся, чтобы посмотреть на отъезжающих военных. Лишь дождался, когда тишина сожрала последний звук. Потом кинулся к воротам и попытался их открыть. Естественно, наивная затея провалилась. Сетка, которая уходила на семь или восемь метров вверх, тоже не поддавалась воздействию.

Влад долго не решался зайти в туннель, но и торчать снаружи считал бессмысленным, ведь дорога назад теперь оказалась отрезанной. Сначала подросток просто заглянул и убедился, что обещанное освещение есть, но сковавший его ступор мешал думать, лишал способности принять решение, мягко подавлял волю.

«Надо просто пробежать», — внезапно подумал он и неожиданно даже для самого себя, без прежних сомнений, ворвался в пространство этой бетонной кишки.

Парень мчался вперед, почти не чувствуя поверхности под ногами. Первые сто метров дались легко, но потом гладкий бетон начал терять свою однородность. Даже померещилось, что внутри него скрывалась подвижная, неустойчивая структура, которая намекала: если остановишься, то обязательно провалишься и исчезнешь в этом узком и длинном коридоре.

Туннель перестал быть просто частью чего-то привычно-

го и статичного, а превратился в нечто живое и враждебное. В отблесках ламп проступали морды персонажей из компьютерной игры, в которую он совсем недавно рубился со своей командой. Опять подкрадывалась паническая атака. Грудь сдавило, дыхание сбилось. Так у него уже несколько раз случилось, когда ехал в переполненном городском автобусе. А последний приступ настиг совсем недавно, когда их с отцом и матерью разлучали военные.

Влад остановился, попытался размеренно и глубоко дышать диафрагмой, фиксируя свое местоположение, логически пытаясь доказать, что нет никаких причин для очередного приступа. Не помогло. В груди опять закололо, на этот раз еще сильнее. К мордам персонажей добавились и голоса, которые нашептывали всякую дрянь:

— Не иди...

— Назад...

— Стой...

— Беги...

— Останься в серой зоне...

— У нас хорошо...

Когда парень продолжил нестись к выходу, эти голоса слились в единое шипение, которое убаюкивало. Бег тут же замедлился до шага. Ему захотелось присесть, чтобы потом прилечь, но очередной спазм боли в груди привел в чувство. Затем еще один. За ним последовала неожиданная ясность.

Он огляделся: никаких морд и звуков вокруг — только

бетон, светящиеся лампы и тишина.

— Прошло, — выдохнул подросток и продолжил бежать вперед.

Встреча с туманом произошла так неожиданно, что почувствовалось, будто жирные грозовые облака разом грохнулись на землю. Пришлось даже отскочить в сторону, потеряв равновесие. Это не походило на столкновение с воздухом. Перед ним выросла плотная стена, состоявшая из чего-то вязкого и прохладного. Видимость полностью исчезла.

Влад попытался двинуться вперед и в тот же момент почувствовал что-то похожее на прикосновение — едва ощутимое, но достаточно реальное, чтобы тело мгновенно сжалось от ужаса. Он отбежал от этого места, зацепившись ногой за камень или корень, а потом упал на неожиданно мягкую поверхность.

— Отвалите! — невольно вырвалось у него.

Крик сначала утонул в тишине, а потом вернулся эхом.

— Успокойся, — слышался приятный женский голос.

Подросток не сразу распознал, что это произнес живой человек. После всего, что совсем недавно произошло, любая речь воспринималась как продолжение тех шепотов, которые гнали его сюда. Подумалось, что опять разыгралось воображение.

— Не переживай, — продолжил голос, который теперь раздавался чуть ближе, — тебя больше никто не побеспокоит, если подойдешь ко мне.

Влад поднялся на ноги, пытаясь выяснить, откуда идет звук, но плотная серая пелена не позволяла определить ни расстояние, ни направление.

— Кто вы? — спросил он, чувствуя, как неуверенно произнес эти два слова.

— Иди ко мне, — немного громче ответили ему, никак не реагируя на вопрос. — Туман скоро закончится.

Парень замер, пытаясь успокоить хаос в своих мыслях и принять решение: остаться или пойти вперед. Остаться на месте явно было самым худшим вариантом. Пришлось двигаться на ощупь, вытянув перед собой руки.

— Кто вы?

— Не отвлекайся. Ты правильно идешь, не сворачивай.

Голос больше не повторялся. Через несколько секунд зазвучала музыка, которая внезапно вынырнула из тишины, постепенно набирая силу. В этих звуках жило что-то неестественное.

Он ориентировался на звук, держась за него, как за единственную точку на горизонте. Серая мгла оставалась такой же плотной. Тем неожиданнее было наблюдать, как туман внезапно оборвался. Солнце ударило прямо в зрачки. Подросток отвернулся и увидел, как пелена теперь стояла позади него настоящей стеной: высокой, неподвижной, сливающейся с небом.

Ему даже представилось, что того туннеля, по которому пришлось бежать, теперь не существует.

— Туман тебя больше не достанет.

Всего в нескольких метрах стояла девушка. Сначала подумалось, что это мираж, сшитый из аккуратных, почти правильных линий. Светлые волосы лежали идеально ровно, а серые глаза смотрели спокойно и уверенно. Фигура выглядела легкой и грациозной. Лицо подкупало своей простотой и изяществом линий: нос был прямым, губы — мягко очерченными, кожа — гладкой.

Серый брючный костюм сидел безупречно и не мешал запомнить черты той, что его носила. Внимание отвлекали только белые кроссовки. Владу стало не по себе от молчания девушки и ее уверенной, почти неподвижной позы.

— Меня зовут Аглая, — она двинулась навстречу. — А ты, как я понимаю...

— Влад, — перебил он.

— Савин. Верно?

— Откуда вы...

— Это граница. Мы знаем всех, кто ее пересекает.

— Каким образом...

— Я — твой куратор.

— В смысле?

— Тебя же, наверное, сюда не просто так послали, — девушка улыбнулась, обнажив красивые широкие зубы. — Думаю, что от добровольца будут ждать подробного рассказа об этом месте.

— Если честно, я не знаю, чего от меня хотят, — парень

с недоверием наблюдал за каждым ее движением. — Никто ничего не объяснил. Просто отвезли и оставили у туннеля.

— Сейчас это не имеет особого значения. Важно не откуда ты и даже не кто ты, важно — где ты, — Аглая слегка сморщилась, не сумев до конца спрятать раздражительность. — Ты в комплексе, и это главное. Я помогу тебе побыстрее адаптироваться.

— К чему адаптироваться?

— К нам раньше никогда не приходили с той стороны. Я подготовлю тебя к работе на объекте. Прошу, давай сейчас оставим лишние вопросы на потом, — тон девушки стал строже. — У меня не так много времени.

— Но...

— Для начала подойди. Я не кусаюсь.

Он огляделся, но больше никого не заметил.

— Напоминаю про время. Не бойся... — наседала куратор.

— Я не боюсь, — Влад нерешительно приблизился. Девушке с виду было сложно дать больше девятнадцати лет. За ее спиной хорошо проглядывался невысокий холм, поросший густым темно-зеленым мхом. Затем подросток заметил стеклянную дверь, «впаянную» в эту возвышенность.

— Тебе поначалу многое может показаться непривычным или даже странным. Это нормальная реакция. Скоро привыкнешь, вот увидишь, — Аглая протянула ему свою тонкую, изящную ладонь с длинными ухоженными пальцами.

— Я сама поначалу была, мягко говоря, шокирована этим местом. Но через две недели привыкла к нему и сегодня не представляю для себя ничего другого.

— Мне надо обязательно вернуться, — неуверенным тоном попытался возразить тот, чья холодная и липкая от пота рука сейчас смущала его больше всего.

— Слушай, не торопи события. Нужно вернуться — вернешься. Без проблем. Но тебя же зачем-то сюда послали: раззнать, разведать, как мы тут развиваемся. Я тебе все покажу. Не понравится — через несколько дней отправишься домой.

— Надеюсь...

— А теперь пошли. Времени нет.

— Куда?

— В наш жилой комплекс. Или ты хочешь остаться здесь и посмотреть, что будет дальше?

— Не хочу, но и идти неизвестно куда тоже не горю желанием.

— Смотри, если я сейчас уеду, то ты останешься один в ловушке между туманом и этим холмом. Дверь тебе больше никто не откроет.

Его вдруг больно ударила мысль о разлуке с родителями, которая почти сразу испарилась, подарив облегчение. Внезапно пришло ощущение, будто недавние события произошли много лет назад или даже в чужой жизни. Наступило неестественное для подобной ситуации спокойствие.

— Хорошо. Я готов.

Аглая не отпускала его руку, пока они не подошли к стеклянной двери. Девушка поднесла к считывателю бейдж, висевший на груди. Дверь плавно отъехала. За ней находилась кабина, похожая на те, которые двигаются по канатной дороге на горнолыжных курортах.

— Садись и обязательно пристегнись, будет трясти.

Влад пристегнул ремень, больше не задавая вопросов, потому что их накопилось слишком много, и ни один сейчас почему-то не казался уместным. Куратор расположилась напротив. Ее уверенный, красивый взгляд уперся в его растерянный и по-прежнему смущенный. Так смотрит опытный руководитель на юнца, который сегодня начинает путь в профессии.

Кабина двинулась вперед, моментально набирая скорость. Она мчалась по стеклянному желобу, который начал заволакивать туман. Вскоре стало очень шумно.

— Долго нам ехать?

— Нет. Скоро приедем.

Кабина неожиданно остановилась, да так резко, что без ремней безопасности пассажиров точно бы швырнуло в окно. Шум исчез, как и густая грязно-серая мгла.

Перед ними раскинулся странный пейзаж, в котором не просматривалось ничего природного, но и полностью искусственным его назвать было сложно. Высокие, широкие здания стояли слишком близко друг к другу. Их явно втыкали

без всякого плана. Черные, коричневые, серые коробки сливались в большое и уродливое темное пятно, вокруг которого разлился хаос, оставшийся от вечной стройки: грязь и строительный мусор. Для полноты картины не хватало людей на улице. Парень не заметил там ни одного жителя.

— Приехали, — сухо улыбнулась Аглая, открыв дверь кабины, которая пришвартовалась ко входу в стеклянный коридор, соединявший здания.

Пока они шли, встретили всего несколько местных, которые двигались быстро и озирались по сторонам.

— Тебе нужно отдохнуть, — бросила девушка, не оборачиваясь.

— Так не пойдет. Сначала расскажите, для чего я здесь?

— Все вопросы завтра, когда отдохнешь. Сейчас у меня совершенно нет времени. У нас ты в безопасности...

— Обычно с таких слов в фильмах начинается все самое хреновое...

— Но ты не в фильме. Дождись завтрашнего дня.

— Хорошо, — Влад совершенно не знал, что мог бы еще из себя выдавить, насколько стремительно менялась его скучная и размеренно несчастная жизнь.

Они поднялись на лифте, который двигался так плавно, что не позволял определить скорость и высоту здания. Но, по ощущениям, остановка случилась явно на одном из верхних уровней.

Куратор достала карту и протянула гостю.

— В этой комнате ты будешь жить. Дверь прямо за твоей спиной.

Подросток взял ключ, чувствуя, как руки еще больше вспотели.

— Но я ведь ничего тут не знаю... Как мне...

— Не волнуйся. Как я и обещала, завтра... — начала она, но на секунду замолчала, подбирая уместную формулировку, — многое узнаешь.

— А вы завтра... — выпалил подросток и запнулся.

Аглая улыбнулась холодной улыбкой, которая ничего не значила.

— Я буду рядом.

После этих слов девушка развернулась и пошла к лифту.

Комната оказалась необычно аккуратной и правильной, как выставочный экспонат или демонстрационный образец, в котором никто и никогда не жил. Экран на стене транслировал нескончаемую череду видеообзоров квартир, студий, пентхаусов, внутреннего наполнения домов и доказательств того, что жилой комплекс представляет собой замкнутую экосистему. На тумбочке стояла литровая бутылка воды, которую новый жилец тут же выпил до дна.

Влад опять вспомнил про родителей. Даже не так: сын удивился, почему память об отце и матери так стремительно отошла на второй или даже третий план? Где паника? Где отчаяние? Куда исчезли тревога и гнев? Не осталось ничего, кроме привычного равнодушия и подкатывающего удоволь-

ствия от всего происходящего. Даже голод отступил. Впервые за последние годы он не чувствовал себя «хреново».

Послышалась музыка, которая играла так тихо, словно подкрадывалась. Парень присел на кровать. Голова немного гудела, как и ноги с непривычки: он бегал в последний раз очень давно. Захотелось прилечь, и он не отказал себе в этом желании, уставившись в идеально белый потолок.

А потом на экране телевизора возникли помехи, сквозь которые проявилось страшное очертание. Линии даже не успели сформировать четкие черты лица, но Влад вскрикнул, вскочив. Оставалось непонятным, приснилось ли ему это или случилось наяву. Плазма все так же демонстрировала великолепие роскошных квартир, комнат, апартаментов, залов и пентхаусов. Бархатистый и очень необычный тембр озвучивал всю эту красоту:

— Жилой комплекс — это город в городе, страна в стране, мир в мире. Он включает тридцать одинаковых высотных зданий, созданных по последнему слову техники, архитектуры, мысли и фантазии. Корпуса объединены переходами. Жилые этажи находятся с шестого по сороковой. Первые пять — технические и социальные пространства. Мы называем их «нулевым этажом». Там вы будете работать, питаться, получать инструкции и услуги. Выход на улицу на период испытательного срока запрещен, но, поверьте, скоро вы отсюда никуда выходить и не захотите. Внутри созданы все условия для полноценного счастья, а не для жалкого суще-

ствования снаружи.

Парень опять начал засыпать, его резко накрывала усталость. Снова слышалась эта знакомая музыка. Сейчас не думалось ни о чем, кроме того, как бы снова не увидеть эти страшные очертания.

Глаза закрылись. Перед тем как провалиться в сон, ему послышалось, что музыка изменилась. Страшный размытый облик снова явился. От него исходила такая внутренняя боль, которая вырвалась наружу темным пятном. Эта клякса разлилась по земле и стала увеличиваться в размерах. В центре оставался стоять силуэт девушки, а вдали появились новые фигуры, к которым своими щупальцами тянулось черное пятно.

Инструктаж

Когда силуэт девушки, глубоко врезавшийся в его сон, почти обрел четкие черты, до сознания Влада донеслись слова: «Сегодня в десять часов утра ты должен быть в столовой на втором этаже нулевого сектора и сидеть за столиком номер двести сорок три. Схема прохода лежит на тумбочке у кровати. Аглая проведет инструктаж».

Так напугавший его образ начал исчезать, а парень перестал беззвучно кричать и проснулся, вскочив с кровати. Обстановка в комнате оставалась прежней: все такой же подозрительно аккуратной и слишком выбивающейся из привычной реальности, чтобы походить на настоящую. Звучала система оповещения. Она еще несколько раз повторила сообщение, а потом отключилась. Таймер показывал без пяти девять.

Подросток провел рукой по мокрому от пота лицу, зацепив свисающие на лоб волосы. Страх неожиданно скоро забылся вместе с деталями недавнего сновидения. Желудок сильно свело от почти животного голода. Организм напоминал, что требует своего, ведь Влад проспал тринадцать часов, а до этого целый день почти ничего не ел. Сильно мучила жажда, несмотря на выпитый перед сном литр воды.

Раньше назначенного времени он уже сидел за указанным столиком, вгрызаясь в еду и поначалу совсем не разбирая

вкуса. Только прожевав несколько больших кусков, понял, что бургер оказался теплым, сочным и очень уж хорошим для места, которое не вызывало особого доверия. Румяный картофель хрустел и нравился ему не меньше. Подвела газировка, которая хоть и шипела, но не имела привычного вкуса.

Помещение столовой напоминало один из тех ресторанов, которые показывали в рекламных роликах про огромные и дорогие отели. Центром этого большого зала служила зона раздачи, у которой толпились двести или триста местных жителей. Еще несколько сотен сидели за столами. Никто не обращал на него никакого внимания. Люди выбирали блюда, торопливо ели и уходили. За столиками мало кто разговаривал. Шум стоял в основном в зоне раздачи.

Подросток так увлекся едой, что не заметил, как к нему бесшумно подошла Аглая и присела напротив. Такой ее внезапности поспособствовал царящий вокруг монотонный гул.

— Доброе утро, Влад, — увидев его удивление, девушка взяла с подноса тарелку с греческим салатом. — Ты выпался?

— Да, спасибо... Спал как убитый, — он бросил бургер, схватил салфетку и начал вытирать рот, параллельно обратив внимание на выбор своей собеседницы. Помимо салата, та взяла два сырника без сметаны и большой стакан с надписью «латте».

— Отлично, — она элегантно поддела вилкой кусок сыра.

— Ведь через час ты должен заступить на смену.

— Смену? В смысле?

— В прямом. Я же вчера рассказывала про стажировку.

— Рассказывали, — как замороженный, повторил за ней подросток. — Но я ничего не понял.

— Стажировка — это условие, без которого ты бы сюда не попал. Ее нужно обязательно пройти.

— Я на это не подписывался. Вчера вы обещали, что сначала мне все тут покажете и ответите на вопросы, а сегодня уже заставляете проходить какую-то стажировку...

— Успокойся, я не забываю о своих обещаниях. Давай для начала отвечу на три любых вопроса, чтобы продемонстрировать нашу открытость, но потом ты должен будешь подписать договор и прослушать инструктаж.

— Три вопроса?

— Которые тебя больше всего волнуют.

— Меня все интересует. Где я? Что это за место? Про стажировку. Когда смогу попасть назад? Зачем...

— Те, кто хотят знать все, обычно не узнают ничего. Напоминаю: всего три вопроса, — куратор мягко, но настойчиво оборвала его. — Понимаю, что тебя беспокоит очень многое, но правила есть правила. Подумай и задавай.

— Что это за место? Что тут происходит?

— Мы строим то, что очень сильно отличается от мира, к которому ты привык. У вас это называют «аномалией», хотя «аномалией» как раз надо называть то общество, из которого

ты сюда вырвался.

— В смысле?

— Это второй вопрос? — дежурно улыбнулась Аглая.

— Нет! Стоп! — Влад разозлился, но постарался скрыть эмоции. — Это же не ответ.

— Под стать твоему очень общему вопросу. Ты знаешь, что такое автономия?

— Ну да...

— Так вот, мы здесь живем на основе собственных гуманитарных принципов, без внешнего вмешательства или принуждения. Понимаешь?

Фраза звучала заученной.

— Немного понимаю, но вы ничего конкретного не объяснили...

— Для начала этого более чем достаточно. Давай второй вопрос.

— Ладно. Чего от меня хотят?

— Ничего. Не мы же к тебе ворвались, а ты — к нам. Но в этом месте, как и в других, есть свои правила. Стажировку важно пройти, чтобы понять, останешься или вернешься.

— Конечно, вернусь... — начал возмущаться он, вспомнив про отца с матерью, чьи образы все реже врывались в его сознание.

— Остался последний вопрос.

— Ладно... Подождите... — парень смял в руке салфетку.
— Что за стажировка?

— Я бы тебе и так про нее рассказала, — Аглая удостоила его снисходительным взглядом, а потом рассмеялась, впервые выразив на своем лице что-то искреннее. — Выпустил последний выстрел по воробьям. Забавно.

— Не вижу ничего смешного, — Влад хмуро отвернулся в сторону. — Нас с отцом и матерью оставили без квартиры, вывезли в лес, потом каждого отправили неизвестно куда. С вами такое когда-то случалось?

— Нет... Извини, — девушка тут же успокоилась и сочувственно взглянула на него. — Но мы не виноваты в том, что делают там у вас, где мир давно слетел с катушек. Мы лишь стараемся спасти от этого безумия как можно больше людей, поэтому и создаем то, что ты видишь вокруг. Там вы — ресурс, а в нашем комплексе — причастные.

— А куда увезли моих родителей?

— Я не знаю, но вряд ли их ждет что-то плохое. Могу предположить, что все худшее с ними и с тобой успело случиться там, у вас.

— Надеюсь, — парень почему-то назначил себя виноватым перед ней. — Извините, что так отреагировал, просто вся эта хрень...

— Не извиняйся, я понимаю. И снова повторяю: ты в полной безопасности.

— Пока слабо верится, — подросток перевел взгляд на свой недоеденный бургер, но аппетит куда-то пропал. — Я, конечно, постараюсь отработать, как надо, ведь выхода у ме-

ня нет. Просто у вас тут все очень необычно.

— Это лишь поначалу кажется странным, — Аглая оперлась локтями о стол и сжала руки в замок. — Теперь к делу. Через пятнадцать минут ты должен быть на своем посту стажера-наблюдателя. Твое рабочее место готово.

— А что нужно делать?

— Ничего сложного. Необходимо будет наблюдать за тем, что происходит снаружи, и сообщать об отклонениях.

— Об отклонениях?

— Например, если ты увидишь что-то необычное, что не укладывается в норму, то нужно это зафиксировать, — Аглая достала папку и вытащила из нее два договора. — Пока я тебе рассказываю, ознакомься и подпиши. Договор стандартный, на стажировку.

— Хорошо, — парень попытался вникнуть в написанное на первой странице, но его постоянно отвлекали слова Аглаи.

— Допустим, увидел ты что-то аномальное — тогда начинаешь фиксировать. Сперва вслух называешь дату и время, потом описываешь происходящее и обязательно объясняешь, почему считаешь его отклонением. Не нужно подбирать слова. Передавай то, что приходит на ум. Персональный бот запишет твою речь и оформит ее в привычный для аналитиков отчет.

— Если честно... Я не очень понимаю...

— Не переживай, все поначалу ничего не понимают. Что-

бы влиться в процесс, есть целых три смены. На первой от тебя не станут ждать никаких чудес. Просто наблюдаешь и фиксируешь — конечно, если будет что фиксировать.

— А можете, пожалуйста, повторить?

— На рабочем месте тебе оставили подробную и простую инструкцию. Поверь, даже во время второй смены многие начинают приносить пользу: находят и фиксируют настоящие отклонения.

— А есть ненастоящие?

— Есть то, что по ошибке можно принять за странность. Так называемые декорации, которые иногда очень ловко скрывают суть происходящих процессов и явлений. Вот, например, сегодня ты будешь наблюдать за одним районом нашего громадного комплекса. Посмотришь и захочешь сообщить, что на улице темно, хотя на дворе летнее утро. Здесь не аномалия, а обыденность. В этом районе всегда темно. Там постоянно ночь.

— А такое разве бывает, ну, в природе, чтобы в одном месте ночь, а рядом — день? Как это вообще?

— Если очень постараться и проявить смекалку, то, конечно, всякое бывает. Наши застройщики могут многое, когда захотят сделать проект дороже. Но пока не забивай себе этим голову, лучше сосредоточься на своих обязанностях. Ты договор прочитал?

— Вроде...

— Тогда подпиши, — девушка протянула ручку.

Он задумался.

— А если не подпишу?

Куратор взглянула на него так, как смотрят на ребенка, который задал слишком запоздалый вопрос.

— Тогда ты останешься здесь без права начать. А без начала нет и возможностей.

Влад подписал.

— Вы обещаете потом рассказать...

— Через несколько дней с меня экскурсия. В нашем жилом комплексе находится весь необходимый сервис: офисы, детские сады, торговые центры, школы, поликлиники, больницы, развлечения. Никуда ходить и ехать не нужно. — Аглая прервалась, и в ее выражении промелькнуло что-то вроде уже знакомого ему раздражения. — Но лучше сосредоточься на главном.

— Ладно...

— Если в первый день у тебя ничего не получится, не расстраивайся.

— Я постараюсь не подвести...

— Хороший настрой. Твоя смена длится с одиннадцати утра до двадцати одного часа. Обедаешь и ужинаешь прямо на рабочем месте. Там есть кухня. В холодильниках — много готовых блюд. Имеется и зона отдыха, если почувствуешь усталость или недомогание. Ты будешь в кабинете один. Дверь закроется, как только зайдешь, и откроется в конце смены.

— А почему обычному стажеру дают целый кабинет?

— Ты — не совсем обычный стажер, ты ведь прибыл оттуда, — куратор махнул рукой в сторону. — А значит, можешь заметить такие отклонения, которые никогда не увидит даже наш самый опытный сотрудник.

— А почему...

— Последний раз спрашиваю: готов приступить?

— Да.

— Если какие-то вопросы еще остались, то я обязательно найду на них время. Просто через десять минут мне нужно быть у руководства.

Аглая встала и стремительно направилась к выходу из столовой. Подросток поспешил за ней. Когда он вышел из помещения, куратор уже стояла у одного из стеклянных лифтов.

— А ты не очень-то расторопный. Мы можем опоздать.

— Извините, — Влад опять поразился тому, что удивительные события постепенно становятся привычными и даже бытовыми.

— Ничего.

Мать с отцом продолжали удаляться из его мыслей. Прежний мир и вовсе перестал существовать. Теперь оставалось важным исключительно предстоящее наблюдение. Очень хотелось не облажаться и доказать, что чего-то стоишь.

Лифт спустил их на нулевой этаж. Это был подвал. Когда дверь отъехала, за ней оказался слабо освещенный просторный кабинет с большим столом и множеством мониторов над

ним.

— Это твое рабочее место. Можешь приступать. Через сорок секунд начинается смена. Удачи, — Аглая мягко подтолкнула его к выходу.

Влад шагнул. Двери лифта и кабинета стали синхронно закрываться, а внутри него что-то дрогнуло. Уж очень все гладко складывалось. Появились сомнения: было ли это поразительно быстрой адаптацией или чужим воздействием?

Наблюдение

Дверь закрылась. По тихому щелчку показалось, что ее заперли снаружи. Услышав этот звук, Влад понял, что до конца смены никто его отсюда уже не выпустит. Дать заднюю не получится, как уверял один из военных, отправивших их в неизвестность.

Табло напротив входной двери показало одиннадцать часов утра. Разом включились все мониторы, но на них пока ничего не отображалось. В кабинете раздалось оповещение: «Начало рабочей смены. Через пять минут приступайте к наблюдению».

Парень сделал несколько шагов вперед, но потом остановился. В непривычной пустоте кабинета у него рождалось странное ощущение, которое не получалось до конца разобрать. Испуг смешался с нервозностью, любопытством, нетерпением и удовольствием от всей этой мешанины чувств.

Кабинет встретил своего нового обитателя неприлично большими размерами, если делить площадь на одного сотрудника. В нем легко бы уместились несколько их квартир, но при условии, что к ним бы прилепили балконы. У Влада этот масштаб вызывал новую тревогу. Появилось предчувствие, что пустующее пространство могло сработать против него.

В глубине помещения располагались холодильные витрины, заполненные аккуратно расставленными контейнерами с едой. От этой аккуратности за несколько метров несло показушной демонстрацией. Рядом стоял автомат с напитками, монотонно гудящий от скуки. Дальше начиналась небольшая кухня с плитой, идеально чистой раковиной и столом, за которым, возможно, никто никогда не сидел — так вызывающе тот блестел.

Справа находилась дверь в душевую и уборную, которая на пару сантиметров была приоткрыта, хотя поначалу казалась запертой. Влад не придал никакого значения этой детали.

Широкий стол, который стоял в центре, делил кабинет на две зоны. Над столом нависали девять включенных мониторов. Сейчас подростка очень тянуло к ним, потому что все остальное представлялось сплошной отвлекающей декорацией.

Стажер сел в кресло, которое оказалось очень мягким и комфортным, как если бы его специально сделали таким, чтобы сотрудник лишний раз даже не подумал подниматься. Перед ним лежал лист с инструкцией без печатей и подписей, который содержал всего один короткий абзац: «Заметил что-то необычное — назови вслух время и дату. Сделай паузу, а затем как можно детальнее опиши событие. Приветствуются краткость и точность описания. Персональный бот оформит данные. Тебе не нужно ничего обрабатывать».

Он перечитал скучные на подробности предложения дважды, потом еще раз, следом открыл каждый ящик стола и лишь после этого убедился, что, кроме короткого абзаца, ему больше ничего не оставили. В инструкции ничего не сообщалось про действия на случай, если захочешь покинуть рабочее место или растеряешься. Стационарного телефона не обнаружилось. Только стол, лист и мониторы.

Позади табло сменило время на 11:05, и в кабинете опять прозвучало оповещение: «Начало рабочей смены. Можно приступать». Мониторы синхронно ожили. Парень невольно вздрогнул, хотя ничего такого не произошло — просто изображение резко появилось разом на всех экранах.

На них был двор. Обычный такой, если не считать темнейшей ночи посреди дня. Высокие свечки домов образовывали глубокий колодец, в центр которого воткнули детскую площадку и несколько скамеек. Парковочные места соседствовали с узкими тротуарами, но все пустовали. Автомобилей на них не стояло. Людей стажер тоже не заметил, как и живности в виде собак или кошек. «Нет даже ни одного вшивого голубя... Никого», — пронеслось в голове.

Влад по давней привычке приблизился к мониторам и вспомнил свой старенький маленький экран. Подросток пытался рассмотреть детали, перепрыгивая глазами с одной трансляции на другую, но, чем дольше выискивал отклонения, тем больше ощущалось, что это не видео, а фотографии.

«Дебил. Ничего не узнал, не уточнил... Закрыли тут, сиди

и втыкай... Может, у них тут секретный объект?» — обрывистые и бесполезные мысли нервно скакали одна за другой.

Первый час прошел не так живо, как хотелось, но терпимо. Даже представилось, что это всего лишь проверка на внимательность. Что-то вроде теста. Просто нужно заметить изменение на картинке.

Парень опять удивился резкой перемене своего внутреннего состояния. Место, которое сначала представлялось пугающим, теперь стало уютным и располагающим к дальнейшей работе.

Второй час тянулся тяжелее, потому что однообразие начинало раздражать. Внимание отвлекалось на тишину кабинета, выискивая в ней подозрительные звуки, которые могло рождать самовнушение. Наблюдатель больше прислушивался к тому, что происходит внутри, чем всматривался в мониторы, которые транслировали нечто такое далекое и неподвижное.

Третий час почти совсем лишил его бдительности, ответственности, интереса, энтузиазма и тревоги. Все это походило на «сеансы рыбалки» без клева, как у них часто случалось с отцом, потому что общедоступные водоемы «выжгли» браконьеры и химикаты, а платные им были не по карману.

— Развод какой-то... — только Влад собирался выругаться, как взгляд зацепился за тень от дерева, которая лежала, укрывшись светом фонаря. — Так...

Пятно на асфальте слегка колыхнулось, как будто от ветра

или от толчка плечом. Дерево выглядело тонким, пусть и с роскошной кроной.

— Есть! — крикнул он, увидев, что небольшая темная клякса отслоилась от тени ствола.

На одном из мониторов показался человек, который стоял спиной к камере.

«Хоть кто-то появился», — на фоне неподвижных изображений ему сейчас все представлялось необычным.

Силуэт продолжал стоять. Судя по куртке и мощному бритому затылку, это был мужчина. Потом объект начал прислушиваться и согнул спину.

— Время... — Влад бросил взгляд на табло и понял, что не помнит, как правильно начать. — Время... четырнадцать часов и семь минут... Стойте... Извините, это же просто мужик... Отбой, у меня пока ничего нет...

Но тут наблюдатель запнулся, потому что увидел, как бритоголовый резко и проворно, как животное, опустился на четвереньки.

— А нет! Я вижу... — его слова зазвучали тише. — Мужик... он... он на четвереньках... Время то же, которое называл.

Лысый подскочил к мусорному баку и плавно повернул голову назад, затем сделал несколько коротких резких скачков в стороны, как собака, которая видит, что хозяин заманивается рукой, в которой палка или мячик.

Стажер глядел на экран и впервые ощутил, что наблюдать

— не значит находиться в безопасности, потому что незнакомец, не поднимаясь с четверенек, пристально взглянул прямо в камеру. Очень зло так взглянул, а затем уткнулся носом в асфальт.

— Он что-то нюхает? — Влад сам не заметил, как произнес это вслух, но больше для себя, чем для записи.

На экране мелькнула маленькая, быстро летящая тень, и бритоголовый рванулся вперед, двигаясь с неожиданной скоростью, почти скользя по асфальту.

— Он бежит... за чем-то... Похоже на крысу... или... не пойму, отсюда плохо видно...

Сразу после этих слов бегущий резко остановился, поднялся на ноги, но сделал это как-то неуверенно, точно забыв, как правильно удерживать свое тело в вертикальном положении. Потом странный тип на секунду замер, посмотрев в одну из камер, которая находилась ближе всего к нему, и громко закричал.

Этот крик лезвиями врезался в перепонки Влада, потому что внезапно в кабинете включились динамики, впустившие его внутрь.

— Он орет! — стажер отчаянно пытался перекричать разрывающиеся динамики. — Очень громко... это...

Подросток ненадолго замолчал, потому что для описания происходящего закончились слова, — но тут же собрался.

— Очень сильно кричит!

Бритоголовый, запрокинув голову, продолжал рвать глот-

ку. Парень перевел взгляд на другой монитор, который выхватывал окна домов, и в очередной раз удивился. Ни одно из них не загорелось.

— Никто... — он снова пытался перекрычать динамики, но уже не так уверенно. — Никто не включает свет... Все на работе, что ли? Не может быть... Кто-то же в целом доме должен остаться.

Крик продолжался, с каждой секундой становясь не просто громче, но еще и глубже, врываясь внутрь самого пространства и заполняя его собой.

— Да вы что! — Влад откинулся в кресле, но тут же подался вперед. — Это же... это слышно должно быть, это выглядит стремно! Очень страшно...

Парень опять вглядывался в окна, потом перевел взгляд на мужика, затем вновь на окна. Однажды ему даже привиделось, что в одном из них кто-то стоит, но, когда пригляделся, там уже никого не виднелось.

Крик неожиданно оборвался. Лысый замер, повернулся и вновь уставился прямо в камеру.

— Он... — голос стажера дрогнул. — Этот тип смотрит сюда...

На секунду померещилось, что их взгляды встретились, хотя наблюдатель понимал, что это невозможно, ведь камера — просто устройство. Но странное убеждение было слишком сильным, чтобы игнорировать его, прибегая к логике.

— Он... — Влад не смог закончить мысль.

Бритоголовый развернулся и побежал, исчезнув за углом. Ни одно окно так и не зажглось.

— Я... — парень попытался продолжить. — Это точно дичь какая-то... Простите, что не по инструкции. Я волновался и забыл, как там нужно вам все это передавать. Извините.

Мониторы опять транслировали неподвижную картинку, на которой не виднелось ни людей, ни собак, ни кошек, ни беспечных и медлительных голубей. Табло отсчитывало секунды, минуты и часы. Кабинет оставался закрытым. А вот дверь в душ отъехала еще дальше, но Влад опять не придал замеченной детали никакого значения. Он отвлекся от мониторов, сидел и молчал, думая, что если еще раз заговорить об увиденном вслух, значит, придется признать реальность происходящего.

В голове остался и этот дьявольски глубокий крик, который никак не уходил. Тут парень не выдержал тишины и снова начал сбивчиво диктовать.

.....

Проводив стажера, Аглая поднялась на тридцать второй этаж. Когда она вышла из лифта, перед ней расстелился «коридор-карлик» не более пяти метров в длину. Достаточно гладкую стену бирюзового цвета уродовали две дешевые облупленные двери, которые совершенно не сочетались с общим богатым видом отделки здания.

Куратор подошла к первой из них — белой деревянной, на

которой кто-то криво и мелко красным маркером написал: «Главный инженер-архитектор».

Девушка опустила руку в карман штанов и достала железный ключ из тех, которыми в мире Влада уже давно никто ничего не открывал. Провернула его два раза в замке, а потом толкнула дверь — та со скрипом несмазанных петель отворилась.

Вид маленькой комнатки впечатлял своим унылым аскетизмом. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что перед ним часть какого-то заброшенного всеми экскурсоводами и посетителями места. У крохотного, заклеенного газетной бумагой окошка, похожего на форточку, расположился небольшой стол из красного дерева, за которым могли поместиться всего два человека.

Сбоку стояла раскладушка, прикрытая старым полосатым матрасом, на котором, кроме небольшой подушки, не лежало больше ничего. Над раскладушкой навис мрачный черный шкаф, забитый растолстевшими от впитанной мудрости книгами. На стене, напротив шкафа, висел небольшой приемник, от него тянулся провод, во многих местах перемотанный синей изолентой.

Аглая оставила свою большую сумку у порога, включила приемник, из которого сначала донеслось лишь предсмертное хрипение, после чего подошла к шкафу и достала одну из самых толстых книг. Потом она сняла кроссовки, легла на раскладушку и раскрыла книгу на странице с прямоугольной

красной закладкой.

Где-то через час куратор впервые оторвалась от чтения, взглянула на приемник и пробормотала:

— Ну, посмотрим, на что ты способен.

Затем Аглая снова вернулась к книге, а устройство продолжило хрипеть. Многих бы это монотонное хрипение убавляло, но она не собиралась спать, а сосредоточенно бегала глазами по буквам, сливающимся в слова, предложения и абзацы.

Произошедшее через два часа многих бы заставило вскочить с раскладушки, но девушка лишь неторопливо отложила книгу и прислушалась. Из приемника сквозь дикий вой доносился напуганный голос подростка, который очень сбивчиво описывал первую аномалию. Потом его речь прервалась, но лишь на несколько минут, чтобы вновь продолжиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.